«Россия привержена принципу верховенства международного права» В. Путин

INTERNATIONAL LEGAL COURIER

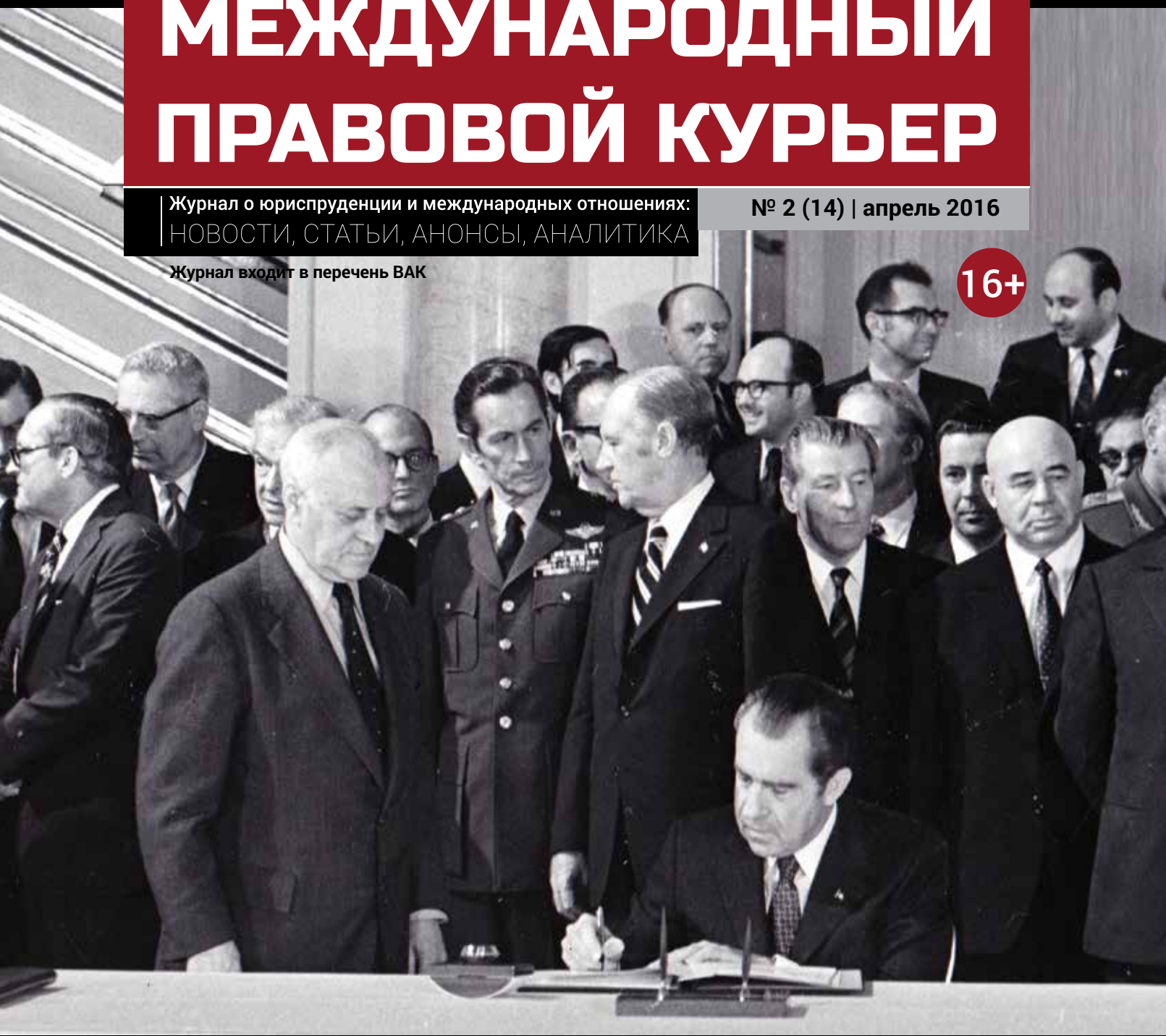
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ КУРЬЕР

Журнал о юриспруденции и международных отношениях:
НОВОСТИ, СТАТЬИ, АНОНСЫ, АНАЛИТИКА

№ 2 (14) | апрель 2016

Журнал входит в перечень ВАК

16+



С.3 | Что произошло с СССР: он распался или его развалили?

ВТОРИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА США: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР С.19

С. 32 | Правовая природа типового двустороннего инвестиционного договора Российской Федерации

Bilateral investment treaties as a guarantee for investment relations | **с. 36**

На фото: Музей-обсерватория Улукбека

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ДОКУМЕНТАХ

3 | Что произошло с СССР: он распался или его развалили?
О. Н. Хлестов

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РАЗНЫХ СТРАН В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

6 | Эволюция концепций трансграничного использования Интернета в зарубежной правовой доктрине
М. Б. Касенова

12 | Государственная промышленная политика и особые экономические зоны в современных условиях: международные экономические и правовые аспекты
Ю. В. Мишальченко, А. В. Торопыгин, Т. И. Юкина

19 | Вторичные источники права США: аналитический обзор
Т. Ф. Акчурин

27 | Пиратство как составляющая морского терроризма: правовые проблемы обеспечения безопасности морских перевозок (на примере законодательства КНР)
Ц. Липин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

32 | Правовая природа типового двустороннего инвестиционного договора Российской Федерации
А. А. Данельян

36 | Bilateral investment treaties as a guarantee for investment relations
A. Mansurov

Что произошло с СССР: он распался или его развалили?

Так что же произошло с СССР: он распался или его развалили? Этот вопрос активно обсуждается в СМИ. Высказываются самые различные, порой противоречивые точки зрения.

стр. 3

Пиратство как составляющая морского терроризма: правовые проблемы обеспечения безопасности морских перевозок

Одна из специфических черт современного пиратства заключается в том, что начиная с XXI века пиратская деятельность в Юго-Восточной Азии превратилась в хорошо организованные нападения на гражданские суда в сговоре с террористами.

стр. 27

Правовая природа типового двустороннего инвестиционного договора Российской Федерации

Типовые соглашения, по своей сути, являются примерной формой для двусторонних инвестиционных договоров. Однако условия двусторонних инвестиционных договоров, заключенных с различными государствами даже на основе типового соглашения, достаточно часто различаются.

стр. 32

РЕДКОЛЛЕГИЯ

■ **Хлестов Олег Николаевич**
Председатель Редакционной коллегии, профессор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Вице-президент Российской ассоциации международного права, Заслуженный юрист Российской Федерации.
Oleg N. Khlestov
Chairman of the Editorial Board, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, President of the Russian Association of International Law, Honored Lawyer of the Russian Federation.

■ **Адвокат Джерардо Маротта**
Президент Итальянского института Философских исследований (Неаполь).
Avvocato Gerardo Marotta
Presidente dell Instituto Italiano per gli Stadi Filosofici (President of the Italian Philosopy Institute (Napoly)).

■ **Андреева Ольга Валентиновна**
Директор Департамента международного научного и образовательного сотрудничества Российского университета дружбы народов, кандидат исторических наук.
Olga V. Andreeva
Vice-Rector for International Affairs of the Russian Peoples' Friendship University, Ph.D.

■ **Бажанов Евгений Петрович**
Ректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, академик Всемирной экономической академии, Академии гуманитарных исследований, член Академии политических наук США, почетный доктор Народного университета (г. Пекин) и университета Чжэнчжи (Тайвань).
Evgeny P. Bazhanov
Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the World Academy of Economics, Academy of Humanities Research, a member of the Academy of Political Sciences of the United States, an honorary doctor of the People's University (Beijing) and Chengchi University (Taiwan).

■ **Близнец Иван Анатольевич**
Ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор.
Ivan A. Bliznets
Chancellor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Law, Professor.

■ **Вихрян Алексей Петрович**
Научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН, кандидат исторических наук, заместитель председателя Правления Межрегиональной общественной организации «Национальный комитет общественного контроля», член Экспертного совета Комитета Госдума ФС РФ по безопасности и противодействию коррупции, член Союза писателей России.
Alexey P. Vikhryan
Researcher of the Center for Security Studies of RAS, Candidate of Historical Sciences, Deputy Chairman of the Board of Inter-regional public organization "National Committee of Public Control", a member of the Expert Council of the Russian State Duma Committee for Security and Anti-Corruption, member of the Union of Writers of Russia.

■ **Данельян Андрей Андреевич**
Главный редактор печатного издания «Международный правовой курьер», заведующий кафедрой государства и права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.
Andrei A. Danelyan
Chief editor of the printed edition "International Legal Courier", Head of the Department of State and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law.

■ **Жак Ладислав**
Директор Карловарского института развития (КРИ) (Чешская республика), кандидат экономических наук
Zhak Ladislav
The director of the Karlovy Vary Development Institute (CWI) (Czech Republic) Candidate of Economic Sciences.

■ **Закаурцева Татьяна Алексеевна**
Первый проректор, Проректор по учебной работе Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, член Экспертного Совета по внешней политике Совета Федерации ФС РФ.
Tatyana A. Zakaurtseva
First Vice-Rector, Vice-Rector for Academic Affairs of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, doctor of historical sciences, professor, member of the Expert Council on Foreign Relations of the Federation Council.

■ **Капустин Анатолий Яковлевич**
Первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор.
Anatoly Y. Kapustin
President of the Russian Association of International Law, Doctor of Laws, Professor.

■ **Мамут Леонид Соломонович**
Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.
Leonid S. Mamut
Chief Researcher GPI RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

■ **Марчук Николай Николаевич**
Профессор Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, академик РАЕН, специалист по истории конституционализма в Латинской Америке.
Nikolay N. Marchuk
Professor of the Russian Peoples' Friendship University, Doctor of Historical Sciences, Academy of Natural Sciences, a specialist in the history of constitutionalism in Latin America.

■ **Минаев Виталий Анатольевич**
Генеральный директор АНО «Международный аналитическо-исследовательский центр правовой информации», главный редактор сетевого издания «Международный правовой курьер», официальный представитель Итальянского института философских исследований в России, кандидат юридических наук.
Vitaly A. Minaev
CEO of ANO "Centr BIT RGB," member of UNESCO Chair in intellectual property, authorized representative of the Italian Institute of Philosophical Studies in Russia, Candidate of Legal Sciences.

■ **Моисеев Алексей Александрович**
Проректор по международным связям Российской таможенной академии, доктор юридических наук, доктор права Австралии.
Alexey A. Moiseev
Vice-Rector for International Relations of the Russian Customs Academy, Doctor of Law, Doctor of Law in Australia, Professor of the Diplomatic Academy.

■ **Молчанов Виктор Федорович**
Заведующий Научно-исследовательским отделом рукописей Российской государственной библиотеки, доктор исторических наук.
Viktor F. Molchanov
Head of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, Doctor of Historical Sciences.

■ **Никонорова Екатерина Васильевна**
Начальник Управления специальных проектов Российской государственной библиотеки, доктор философских наук, профессор кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды МИГСУ, РАНХиГС, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации ФС РФ, профессор.
Ekaterina V. Nikonorova
Head of special projects of the Russian State Library, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Management and Environmental Protection Migs, Ranh and HS, Member of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Professor.

■ **Петручак Лариса Анатольевна**
Проректор по учебной и воспитательной работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов России.
Larissa A. Petrouchak
Vice-rector for academic and educational work of the Moscow State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, a member of the Training Association of Legal Education of Russian universities.

■ **Россиус Андрей Александрович**
Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Института философии РАН, член Научного совета Итальянского института философских исследований.
Andrei A. Rossius
Doctor of Philology; Professor of the Department of Classical Philology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, IPhRAS; Member of the Research Council of the Italian Institute for Philosophical Studies.

■ **Сухарев Александр Яковлевич**
Государственный советник юстиции 1-го класса, доктор юридических наук, профессор (6-й Министр юстиции РСФСР, 5-й Генеральный прокурор СССР), Заслуженный юрист Российской Федерации.
Alexander Ya. Sukharev
State Counselor of Justice of Class 1, Doctor of Law, Professor, 6 yministr Justice of the Russian Federation, 5th Prosecutor General of the USSR), Honored Lawyer of the Russian Federation.

■ **Требков Андрей Адамович**
Председатель Международного союза юристов, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации.
Andrew A. Trebkov
President of the International Union of Lawyers, PhD, Honored Lawyer of the Russian Federation.

■ **Цао Липин**
Доцент Института политологии и права Ганьсу (КНР), кандидат юридических наук.
Cao Liping
Graduated from the high school at People's Friendship University with a degree "International Law", "European law". In2011, she defended her dissertation of the candidate of jurisprudence "International public law for the management of maritime transport of goods. "Today - Associate Professor at the Institute of Political Science and Law.

РЕДАКЦИЯ

Данельян Андрей Андреевич — Главный редактор
Фирсова Юлия Георгиевна — Ответственный редактор
Тищенко Светлана — Дизайн и верстка
Шепелев Борис — Дизайн Интернет-версии
Малахова Елена Евгеньевна — Редактор текстов на английском языке
Смолина Елена Геннадьевна — Корректор
Данельян Андрей Андреевич и Минаев Виталий Анатольевич — Авторы концепции
Мая Гергова — SEO-редактор
Федотов Денис Олегович — Руководитель службы научно-информационного обеспечения

Номер ISSN: 2311-4525

«Международный Правовой Курьер» — официальное издание дипломатической академии МИД РФ
Журнал выходит при поддержке Российской Ассоциации международного права

Материалы издания подготовлены при участии:
• Российская государственная академия интеллектуальной собственности
• Дипломатическая академия МИД РФ
• Российский университет дружбы народов
• Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина
• Научно-исследовательский отдел рукописей ФГУ РГБ.
• Межрегиональная общественная организация содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля»

Издатель: АНО «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации»
г. Москва, Большой Козловский пер., д. 4, корп. 3, каб.324.
e-mail: inter.legal.info@gmail.com

Генеральный директор Минаев В. А.
e-mail: **v.minaev@inter-legal.ru**

Главный редактор печатного издания Данельян А. А.
e-mail: **a.danelian@inter-legal.ru**

Главный редактор сетевого издания www.inter-legal.ru
Минаев В. А.

Директор по развитию бизнеса Фирсова Ю. Г.
Тел. **+7 (499) 390-35-80;**
e-mail: **yulia.firsova@fmc-media.ru**

www.youtube.com/channel/UCmrSXGcblBKDDNibMD6la5Q
www.facebook.com/ano.maicpi

www.inter-legal.ru

Типография «Маэстро Платинум», г. Москва, ул. Сущевский вал, 64. Тираж от 100 до 1100 экземпляров, с возможным увеличением тиража. Цена свободная. 0+ За содержание рекламных объявлений редакция ответственности не несет. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ No. ФС77-55592 от 07.10. 2013 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Выход в свет 26 апреля 2016 г.

Что произошло с СССР: он распался или его развалили?

What happened to the Soviet Union: was it collapsed or destroyed?

Так что же произошло с СССР: он распался или его развалили? Этот вопрос активно обсуждается в СМИ. Высказываются самые различные, порой противоречивые точки зрения.

Что понимается под выражением «государство распалось»? Участники дискуссий, рассматривая судьбу СССР, анализируют главным образом политические, экономические, социальные аспекты, но не учитывают правовые. Однако государство основывается на праве — конституции, законодательстве, которые определяют его правовое положение, права его органов власти, населения. А то, что произошло с СССР надо рассматривать через призму Конституции и законов, которые определяли правовое положение СССР, а также права РСФСР, являвшейся союзной республикой СССР.

Обычно федерация создается в результате объединения нескольких государственных образований. Так было и при создании СССР. Украина, Белоруссия, Россия и Закавказская Республика создали федерацию — СССР.

Федерации создаются и прекращают свое существование законным путем, и это нормально. В истории таких примеров было немало. Вот Чехословакия. Было объединение двух государств — Чехии и Словакии. А потом они разъединились законным путем по волеизъявлению их народов и решению соответствующих органов власти.

Конституцией СССР также было предусмотрено право на выход союзных республик (ст. 72). Когда создавался СССР, когда он переживал самые тяжкие времена — Отечественная война, послевоенные трудности — в стране была твердая государственная и партийная дисциплина, никакой угрозы распада страны не возникало. Наоборот, страна была сплоченной, тем более, что проводилась разумная национальная и экономическая политика, учитывавшая интересы всех частей Федерации, всех народов, проживавших в СССР (а их было свыше 130).

Но когда к власти пришел М. Горбачев (1985 год), началась перестройка, а это вылилось в развал всех сфер жизни государства. Внешняя политика: вместо того, чтобы защищать национальные интересы государства, что является её главной целью, была выдвинута идея общечеловеческих ценностей, что интерпретировалось неоднозначно. СССР стал сдавать свои позиции в Восточной Европе. «Объединение» Германии, а по сути дела не объединение двух государств, а поглощение ГДР Федеративной Германией (хотя ни Великобритания, ни Франция не хотели этого). США вели линию на создание единой Германии, что ослабило бы позиции Великобритании и Франции, да и СССР. Нашим интересам отвечало преобразование Германии в постоянно нейтральное государство, как например, Австрия. М. Горбачев такого вопроса даже не ставил. Включение ГДР в состав ФРГ прошло для нее на самых выгодных условиях и политических, и финансовых. Заявление западных стран о том, что войска НАТО не будут распространяться на восточные границы, — все это не было оформлено в виде письменного международного документа. Вопрос о том, чтобы страны Восточной Европы — Польша, Чехословакия и другие — были постоянно нейтральными, не поднимался советской стороной, и они затем стали членами НАТО. Позиции, завоеванные Советским Союзом в годы Отечественной войны были потеряны. И это только один пример.

То же происходило и во внутренней жизни страны. Во времена, когда А. Косыгин был у власти, ему удавалось провести реформы в экономике для улучшения организации народного хозяйства, что улучшало положение в стране. Но перестройка М. Горбачева давала противоположные результаты —ухудшение положения в стране по всем направлениям. В этот период возник вопрос о конкретизации ст. 72 Конституции о порядке выхода республик из состава СССР.

3 апреля 1990 года такой Закон был принят — о порядке выхода союзных республик из состава СССР. Он установил процедуру такого выхода. Предусматривалось, что в союзной республике надо принять решение о проведении референдума по вопросу выхода из состава СССР и провести его в течение шести месяцев. Но за выход должны проголосовать 2/3 граждан СССР, проживающих в этой союзной республике, а итог референдума надо сообщить другим союзным республикам и органам власти СССР. Но главное — в течение всего этого периода в этой союзной республике (где проходил референдум) действует Конституция и законы СССР.

Что же произошло? 12 июня 1990 года, то есть через два месяца после принятия Закона, парламент РСФСР принял Декларацию о суверенитете РСФСР. В её пункте 5 было указано, что Конституция и законы СССР не действуют на территории РСФСР. Правда, было это сформулировано фарисейски, действие не прекращается, а приостанавливается — по сути дела то же самое.

Что же произошло с точки зрения права? В Конституции СССР было указано, что она и законы СССР имеют приоритет над конституцией и законами союзной республики, а они должны соответствовать союзному законодательству. Приостанавливать или прекращать действие Конституции или законов СССР на территории союзной республики имеет право только высший орган федерации — Верховный Совет СССР. Поэтому приняв Декларацию 12 июня 1990 года Б. Ельцин и его окружение совершили антиконституционный переворот — незаконное прекращение действия Конституции СССР на территории РСФСР. В Конституции СССР было прямо указано, что Президент обеспечивает соблюдение Конституции государства. Приступая к исполнению обязанностей президента, М. Горбачев дал клятву, что он будет её соблюдать. Но он не выполнил клятву, также как не выполнил свои

конституционные обязанности. Антиконституционный акт — прекращение действия Конституции и законов СССР в РСФСР было, согласно уголовному законодательству СССР, тягчайшим преступлением, совершенным Б. Ельциным и его окружением.

Теперь о Беловежском соглашении, подписанном 8 декабря 1991 года. Оно предусматривало, что деятельность органов власти СССР и законодательства прекращается на территории России, Украины и Белоруссии. Таким образом, если в Декларации о независимости России от 12 июня 1990 года действие законодательства СССР на территории России было приостановлено, то теперь его действие было прекращено, как и действие органов власти СССР. Подписав Беловежское соглашение, Б. Ельцин еще раз нарушил Закон СССР от 3 апреля 1990 года о порядке выхода союзных республик из состава СССР, а также волю населения СССР, включая Россию, 76% процентов которого во время референдума 27 марта 1991 года высказались за сохранение СССР. Президент М. Горбачев не предотвратил подписание Беловежского соглашения, а ратифицировано оно было Россией через 4 дня после подписания 12 декабря 1991 года.

Таким образом, Беловежское соглашение было последним «гвоздем в гроб» СССР. Поэтому был не распад, а развал СССР. А те, кто ссылается на Беловежское соглашение как начало распада СССР, стремятся прикрыть вину за антиконституционный переворот, совершенный 12 июня 1990 года.

Теперь о последствиях переворота для нашей страны, ее народа. Как известно из истории, революции, перевороты бывают. Юридически это преступление. Но что они приносят народу, ради чего их совершают? А что же принес народу СССР этот переворот? М. Горбачев, Б. Ельцин и их сторонники утверждают, что они спасли страну от гражданской войны. А что такое расстрел Парламента, который осуществил Б. Ельцин? Это две-три сотни убитых. А обстрел здания СЭВ, телевизионной башни в Останкино? А чеченская война? Во время этого вооруженного конфликта, гражданской войны, которую Б. Ельцин не предотвратил, а это было возможно, погибло 17 тысяч российских военнослужащих и около 70 тысяч наших граждан.

В Таджикистане тоже возник гражданский вооруженный конфликт. Никто точно не говорит, сколько людей там погибло, в том числе российских военнослужащих, которые помогли навести порядок. В Узбекистане возникал вооруженный конфликт и гибли люди.

А что произошло в экономике? Что пережило население стран? Президент

Последние руководители СССР на трибуне Мавзолея

Голосование Политбюро ЦК КПСС. Крайний справа — М. Горбачев — последний руководитель СССР

Административное деление СССР

В. Путин сказал, что наша страна пережила политическую катастрофу, а народ, — трагедию.

Так что же произошло? Сейчас нам пытаются доказать, что в СССР было много различных недостатков. Конечно, они были. Но СССР был независимой, мощной державой с высокоразвитой наукой и техникой. Кто открыл космическую эру? СССС. Значит, у него были соответствующие достижения, которые помогали ему занимать передовые позиции в этой области (Ю. Гагарин — первый космонавт). Кто открыл первую в мире атомную электростанцию? Советский Союз. Но после развала СССР экономика России была отброшена на 20-30 лет назад, а главное, — началось разграбление государственной собственности: «семибанкирщина», массовый бандитизм, ограбление населения. Все, что было у людей на сберкнижках, исчезло. Можно долго перечислять все эти гражданские последствия. Но главный показатель — состояние населения, которое зависит от многих факторов:

экономических, стабильности в обществе, здравоохранения, образования и т. д. Что же происходило в СССР с населением? Ежегодный прирост населения СССР с 1941 по 1990 годы был 2 млн человек в год: в 1941 году был 191 миллион, а в 1990 — 280 миллионов. Прирост 90 миллионов, кроме того 24 миллиона погибло во время войны. Следовательно, прирост за 50 лет был минимум 100 миллионов человек. И это не смотря на войну и все трудности. А на сколько выросло население России с 1990 года — после развала СССР? Как было 145 миллионов плюс 1 миллион с вхождением в Россию Крыма, так и осталось. Значит, страна недополучила, по меньшей мере, 30 миллионов человек (как во время войны). А 25 миллионов русских (русскоязычных) оказались за пределами России, на территории бывших союзных республик, ныне независимых государств. Многие из них столкнулись с трудностями.

Придя к власти, Б. Ельцин провозгласил, обращаясь к субъектам Российской Федерации: «Берите суверенитета, сколько проглотите». И начался развал России. В регионах Российской Федерации появилось свыше 60 основных законодательных актов и 600 с лишним дополнительных законов, которые отличаются от Конституции России и ее законов. Шел распад Российской Федерации.

Только после того как В. Путин пришел к власти в 1999 году, эти законы были отменены, началась консолидация страны.

В результате антиконституционного переворота была достигнута такая цель западных стран в «Холодной войне», как изменение социально-экономического и общественно-политического строя Советского Союза. В России возникло капиталистическое общество.

Революция — это изменение общественного и социально-экономического строя для прогресса, более справедливого удовлетворения потребностей населения, улучшения его жизни. Произошло наоборот. Появилось колоссальное расслоение общества с несправедливым распределением богатств страны. Как сообщают СМИ, 1% населения России владеет 85% ее собственности. В СМИ также сообщают, что Москва по количеству миллионеров занимала в 2014 году второе место после Нью-Йорка, а в 2015 — третье. Значит миллионеров много, но если в других странах, например США, Франции, существует пропорциональный налог, то почему в нашей стране его никак не вводят, ссылаясь на какие-то непреодолимые трудности.

Еще пример «справедливого» распределения богатств страны, её национального дохода — судьба пенсионеров. Как сообщают СМИ, сейчас средняя пенсия 11 700 рублей, причем в провинции, видимо, меньше. А депутаты Государственной Думы в прошлом году увеличили свои зарплаты с 250 000 (плюс надбавки и льготы) до 400 000 рублей. Это в 35 раз больше чем пенсия. Разве такой разрыв допустим? Поэтому ничего хорошего переворот не принес. Таким образом, переворот 12 июня 1990 года по сути дела был контрреволюцией, в результате которой орудия и средства производства оказались в руках узкой группы лиц, и происходит несправедливое распределение доходов государства и его богатств.

Какая же это демократия? Демократы, которые часто критикуют нашего президента В. Путина за ущемление демократии, когда были у власти, нарушали и Конституцию, и законы, и итоги референдума.

Теперь о международном положении России после развала СССР. Её положение резко ухудшилось. Мир стал однополярным, где США осуществляли свое влияние. Линия правительства Е. Гайдара была привязать нашу экономику к экономике западных стран. Россия становилась их экономическим придатком, как Украина сейчас у ЕС. И это касалось всех сфер, не только техники или чего-то подобного. Советский Союз обеспечивал себя качественными семенами. Теперь их поставляет нам Запад, в том числе США. Они дают хороший урожай, но семенной фонд из них не получается; мы привязаны к их поставкам семян. Эта была и линия Запада. Как не случайно говорил С. Руцкой, тридцать американских советников работало в Правительстве Е. Гайдара.

На международной арене США в условиях однополярного мира стремились, чтобы другие страны проводили выгодную для них внешнюю и внутреннюю политику. Этого они добивались от России и довольно успешно; когда у власти было правительство Б. Ельцина (но не при Е. Примакове). После прихода к власти В. Путина в 1999 году Россия стала постепенно «вставать с колен». Мюнхенское выступление В. Путина в 2006 году показало, что Россия ставит вопрос о том, чтобы с её интересами считались, и она готова их отстаивать. Но это на Западе не всем понравилось и на Россию начали оказывать давление.

В 2008 году Грузия, нарушив соглашения 1994-1996 годов о неприменении вооруженной силы против Южной Осетии, напала на российские войска, охранявшие линию разграничения между Грузией и Южной Осетией. Возник вооруженный конфликт.

Военное давление на Россию, пропаганда против неё ведутся и в связи с другими событиями на международной арене, поскольку Россия стала отстаивать свои интересы.

В этих условиях важно знать, что же произошло в СССР в 1990 году. Знание истории помогает лучше понимать настоящее и предвидеть будущее. ■

TAGS: СССР, распад, РСФСР, Горбачев, США, НАТО, Европа, Конституция, Беловежское соглашение.

Олег Николаевич Хлестов,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
Вице-президент Российской Ассоциации международного права,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор международного права.

Annotation:

The article examines the fate of the Soviet Union in terms of the legal aspects, because the state is based on law — the constitution, the law, which determine its legal status, the right of its government, the population. The author gives an estimate of what has happened with the Soviet Union in the light of the constitution and the law, which defines the legal status of the Soviet Union and the RSFSR law is a union republic of the USSR. ■

Oleg N. Khlestov,
professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador,
Vice-President of the Russian Association of International Law, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Аннотация:

В материале рассматривается судьба СССР с точки зрения правовых аспектов, поскольку государство основывается на праве — Конституции, законодательстве, которые определяют его правовое положение, права его органов власти, населения. Автор дает оценку произошедшему с Советским Союзом через призму Конституции и законов, которые определяли правовое положение СССР, а также права РСФСР, являвшейся союзной республикой СССР. ■

Источник фото:
russia-armenia.info
wikimedia.org
slavyanskaya-kultura.ru

Эволюция концепций трансграничного использования Интернета в зарубежной правовой доктрине

The evolution of the concepts of cross-border use of the Internet in a foreign legal doctrine

Проблематика правового регулирования информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) приобрела актуальность в начале 90-х годов XX века прежде всего в связи с начавшимся бурным развитием Интернета и его проникновением практически во все социальные сферы.

Интернет «фактически поглотил существовавшие ранее коммерческие сети», либо, так или иначе, «явился фундаментом для построения иных сетей, более закрытых»[1] и стал центральным звеном информационных и коммуникационных технологий. Именно к этому периоду относится начало системного доктринального исследования зарубежными правоведами специфических свойств Интернета как технологического и социального ресурса, особенностей регулирования, возникающих «виртуальных отношений», носящих трансграничный характер. Российская правовая доктрина обратилась к системному анализу этих вопросов несколько позднее — в конце XX – начале XXI веков[2].

Ретроспективный взгляд позволяет вспомнить, среди прочих, ряд работ зарубежных исследователей:

- «Декларацию независимости киберпространства» (Declaration of the Independence of Cyberspace) Д. Барлоу (Barlow J.)[3];
- первые работы Д. Поста (Post D.), Патриции Белии (Bellia P.) и Пола Бермана (Berman P.) о «тестовой» переадресации корневых серверов[4];
- исследование Д. Рейденберга (Reidenberg J.) о возникающих противоречиях определения юрисдикции в Интернете при решении технических вопросов функционирования Интернета[5];
- работы М. Фрумкина (Froomkin M.), Д. Зитрейна (Zittrain J.) по проблематике механизмов регулирования киберпространства.

Работы этих исследователей хорошо известны и получили широкое распространение и доктринальное развитие.

В романтический период Интернет-бума 90-х годов прошлого века Интернет представлялся как некая модель будущего, новый мир виртуальной реальности, вид особого пространства со специфическими правилами и неограниченными возможностями, грядущее открытое «Царство свободы», дающее неограниченные возможности беспрепятственной коммуникации, глобального обмена информацией и т. д. Преобладающая точка зрения, разделяемая многими правоведами в начальный период, сводилась к тому, что Интернет способен преступать пределы юрисдикции конкретного государства, а технологические возможности Интернета могут привести к тому, что государство утратит смысл, также как и право «с его территориальностью». Основной концептуальный тезис «интернет-юристов» 90-х годов зиждился на том, что для целей правового анализа Интернет следует рассматривать как технологический ресурс, «terra nullius»[6], «способный сокрушить старые и изжившие себя критерии «человеческой организации общества»[7].

Пионеры-исследователи Интернета полагали, что виртуальный мир киберпространства будет становиться все более самостоятельным, отделенным от физического мира, и главная задача заключалась в том, чтобы оградить Интернет от государственного вмешательства, поскольку интернет-сообщество способно самостоятельно контролировать свою деятельность, создавая нормы, прежде всего технические, без вмешательства со стороны традиционных органов власти. Такие исследователи Интернета, как Джон П. Барлоу (Barlow J.), Д. Дайбелл (Dibbell J.), представляли Интернет в качестве нового рубежа, за пределами которого люди жили бы в мире, в котором они создавали бы свои собственные нормы и правила. Подобные концептуальные подходы получили широкое распространение в 90-е годы XX века.

Интернет-эйфория, несомненно, влияла на «утопическое видение» регулирования использования интернет-пространства. «Декларация независимости киберпространства» Д. Барлоу (Barlow J.) 1996 года начиналась словами: «Правительства Индустриального мира, Вы — утомленные гиганты из плоти и стали; моя же Родина —

---

[1] Савельев А. Н. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – М.: Статут, 2014. С. 14-15.

[2] В числе первых работ в российской правовой доктрине можно назвать, например: Батурин Ю. М. Компьютерное право: краткий реестр проблем // Советское государство и право. 1989. - № 8. - С. 70-71; он же. Проблемы компьютерного права. – М.: Юрид. лит., 1991. – 272 с.;
Наумов В. Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. – М.: Книжныйдом «Университет», 2002. – 432 с.;
Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. – М.: Норма, 2003. – 336 с.;
Просвирин Ю. Г. Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2002. – 46 с.;
Шамраев А. В. Правовое регулирование информационных технологий (анализ проблем и основные документы). Версия 1.0. – М.: Статут, БДЦ-пресс, Интерех, 2003. – 1013 с.;
Бабкин С. А. Интеллектуальная собственность в Интернет. – М.: ЮрИнфоР, 2006. – 512 с. и др.

[3] Barlow John P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. 1996. URL: http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html (дата обращения: 27.02.2016).

[4] Bellia Patricia L., Berman Paul S., Post David G. Cyberlaw Problems of Policy and Jurisprudence in the Information Age. West Publishing, 2003. – 704 p.

[5] Reidenberg J. Technology and Internet Jurisdiction (2005). 153 University of Pennsylvania Law Review. 153 (2005).

[6] terra nullius понимается как территория, не находящаяся под суверенитетом какого-либо государства. Gustavus Adolphus College. URL: https://gustavus.edu/personal-homepages/ (дата обращения: 27.02.2016).

[7] Carpenter B. Architectural Principles of the Internet. June 1996. URL: http://www.ietf.org/u/ietchair/dicuss-criteria.htm (дата обращения: 27.02.2016).

Киберпространство, новый дом Сознания. От имени будущего я прошу Вас, у которых все в прошлом, — оставьте нас в покое. Вы лишние среди нас. Вы не обладаете верховной властью там, где мы собрались». «Декларация независимости киберпространства» провозглашала новый мир — мир киберпространства, отличающийся от физического мира; такой мир, где деятельность традиционных государственных органов власти с их «суверенными правами» теряла бы смысл[8].

Интернет — территория свободы, и такой подход рассматривался в качестве «новой философской концепции» интернетовского кибертарианства, и именно в таком контексте излагались работы Д. Дайбелла (Dibbell J.) о возможностях киберпространства регулировать поведение интернет-пользователей и формировать собственные интернет-нормы[9]; исследования Д. Рейденберга (Reidenberg J.) о возникающих противоречиях определения юрисдикции в Интернете при решении технических вопросов функционирования Сети и его особую трактовку природы киберпространства, дающую свободу всем пользователям Интернета[10]. В этом же ряду стоят ранние работы известного ученого-правоведа Лоуренса Лессига (Lessig L.) о законах киберпространства, где технологические регуляторы обладают «приоритетом» перед нормами права[11].

К примеру, можно вспомнить одну из первых работ Д. Поста (Post David G.) и Д. Джонсона (Johnson D.) «Право и границы — возникновение права в киберпространстве»[12] (1996), основной концептуальный тезис которой был в том, что Интернет подрывает, разрушает традиционное понимание территориального характера действия права. Суть концепции сводилась к тому, что попытки установления контроля над электронными коммуникациями, скорее всего, окажутся тщетными, и что разумнее признать киберпространство как особое, специфическое пространство, в котором должны действовать особые нормы и особое право, выраженное в специальных законах.

Примечательно, что спустя десять лет, в 2006 году Д. Пост и Д. Джонсон представили свое новое исследование: «Великий спор — право в виртуальном мире»[13]. Несмотря на частичную модификацию прежних взглядов авторов, основной концептуальный тезис этих авторов остался неизменным: Д. Пост и Д. Джонсон исходят из того, что для целей правового регулирования киберпространство следует рассматривать как некое обособленное пространство (Separate Space) или как некое множество обособленных пространств (Multiplicity Separate Places).

Ряд исследователей-пионеров Интернета полагали, что Интернет может контролироваться на неформальной основе путем консенсуса и инженерного регулирования, а не правовыми нормами и правилами, устанавливаемыми государством. Интернет рассматривался как кардинально новый технологический ресурс, использование которого зиждилось на протоколах и стандартах Интернета, разрабатываемых на основе консенсуса среди инженеров и специалистов по телекоммуникациям. Тезис о том, что «Интернет способен преступать пределы территориального права, а его использование может привести к тому, что государственное регулирование утратит смысл»[14], был преобладающим и разделялся практически всеми интернет-исследователями конца XX века.

Стремительное развитие интернет-технологий, расширение социальных сфер применения Интернета стало импульсом появления социально-правовых исследований регулирования использования Интернета. Й. Бенклер (Benkler Y.) одним из первых обратился к анализу социально-правовой роли блогов, дискуссионных групп (Discussion Lists) и коллективных энциклопедий (Wikis). Й. Бенклер пришел к выводу, что Интернет не только дополняет, но в ряде случаев вытесняет существующие средства массовой информации[15], что, соответственно, диверсифицирует средства и методы их регулирования. В своей достаточно известной работе «Богатство сетей: как социальный продукт трансформирует рынки и свободу»[16], он анализирует проблематику регулирования пространства сетевой информации. Й. Бенклер (Benkler Y.) утверждает, что Интернет создает новые способы создания и распространения информации, расширяет возможности интернет-пользователей и формирует новые модели социальной деятельности[17].

Проблематика правового регулирования киберпространства получает последовательное развитие в работах профессора Лоуренса Лессига (Lessig, L.). Концептуальные взгляды Л. Лессига и в настоящее время не теряют своей актуальности[18], более того, они находят развитие в работах российских правоведов. В одной из своих первых работ — «Кодекс и другие законы киберпространства»[19] (1999) — Л. Лессинг приходит к выводу о том, что господствовавшее в 1990-х годах «эйфористическое понимание» киберпространства как «пространства свободы», не подверженного контролю, и в котором право не действует, — оказалось утопическим и неверным[20].

Л. Лессинг предлагает рассматривать киберпространство (Cyberspace) как технологическую среду, которая регулируется сводом норм и правил, представляющим собой некий «кодекс», или «код» (Code). В качестве норм и правил, составляющих нормативно-правовой фундамент такого «кодекса» или «кода» (Code), выступают программное обеспечение, технологические принципы проектирования архитектуры Интернета, протоколы и стандарты Интернета. Именно такой «свод норм» следует

[8] Barlow J. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: http://homes.eff.org/~barlow/Declaration-Final.html (дата обращения: 27.02.2016).

[9] Dibbell J. A Rape in Cyberspace: How an Evil Clown, A Haitian Trickster Spirit, Two Wizards, and a Cast of Dozens Turned a Database into a Society), публикация «38 Village Voice 36». URL: http://juliandibbell/com/ (дата обращения: 27.02.2016).

[10] Reidenberg J. Rules of the Road on Global Electronic Highways: Merging the Trade and Technical Paradigms, 6 Harvard J. Law & Tech. 287 (1993). The Privacy Obstacle Course: Hurdling Barriers to Transnational Financial Services, 60 Fordham Law. Rev. S137 (1992): Reidenberg@sprynet.com, Online Services and Data Protection Law: Regulatory Responses: URL: http://ec.europa.eu/justice_home/ (дата обращения: 27.02.2016). Отметим, что такой концептуальный подход сохранился, в определенной степени, и в его последних работах. Reidenberg J. Technology and Internet Jurisdiction. University of Pennsylvania Law Review. 153 (2005).

[11] Lessing L. Reading the Constitution in Cyberspace. 1998. URL: http://contents.jsve.edu.cn/resources/3200000000/files/filepath/2006-02/_200621033090907.rar/201302220035032.pdf (дата обращения: 30. 05.2015); – URL: http://papers.ssrn.com; Lessing L. Intellectual Property and Code. 1997. URL: http://www.law.stanford.edu/publications (дата обращения: 27.02.2016).

[12] Post David G. and Johnson David R. Law and Borders – the Rise of Law in Cyberspace. 48 (1996). Stanford Law Review 1367; Post, David G. Against «Against Cyberanarchy» //Adam Thierer and Clyde Wayne Crews Jr., ed. Who Rules the Net? Washington, D.C.: Cato Institute, 2003. P. 71 – 89.

[13] Post David G. and Johnson David R. The Great Debate – Law in the Virtual World. (2006) 11 (2) First Monday. URL: http://www.firstmonday.org/issues/issue11_2/post/index.html. (дата обращения: 27.02.2016).

[14] Perritt Henry H. (Jr.). Jurisdiction in Cyberspace. 41 Villanova Law Review 1 (1996). P. 82 – 83. URL: http://digitalcommons.law.villanova.edu/vlr/vol41/iss1/1.
Goldsmith Jack L. The Internet and the Legitimacy of Remote Cross-Border Searches. University of Chicago Law School. 2001. URL: http://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1316&context=public_law_and_legal_theory (дата обращения: 31.05.2015) и др.

[15] Benkler Yochai. Op. cit. URL: http://www.benkler.org. (дата обращения: 27.02.2016).

[16] Бенклер Й. (Benkler Y.), к примеру, анализировал ситуацию использования компьютерного голосования во время выборов в США в 2002 г. с использованием электронных машин для голосования (Diebold Election Systems), что привело к распространению в Интернете информации, порочащей компанию-производителя этих машин, и которая не была освещена в печатных или телевизионных средствах информации. См. об этом подробнее: Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom (2006). URL: http://www.benkler.org. (дата обращения: 11.09.2015) См. также: Zwart Melissa. Heionline. 30 Melbourne University Law Review (1002). 2006.

[17] BenklerYochai. Op. cit. URL: http://www.benkler.org (дата обращения: 27.02.2016).

[18] Lessig L. Code and other Laws of Cyberspace. – URL: http://www.archiv.orgcyber.law.harvard.edu/lessigbio (дата обращения: 11.09.2015)

[19] Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books, 1999. – P. 230.

20 Lessig L. Op. cit. Code and Other Laws of Cyberspace. P. 24-65.

рассматривать как нормативно-правовой «Кодекс» (Code), способный регулировать взаимодействие интернет-пользователей и их поведение. По мнению Л. Лессига, «Кодекс» (Code) не только является основным правовым регулятором, но и выступает как «правовое средство обеспечения достаточно широкого контроля», поскольку технологическая архитектура Интернета «способна регулировать свободу интернет-пользователей таким же образом, каким право и правовые нормы регулируют общественные отношения»[21].

Л. Лессиг считает, что программное и аппаратное обеспечение формируют нормативно-правовую основу Кода/кодекса киберпространства (Code of Cyberspace), что дает основание рассматривать Код/кодекс как суть «право киберпространства». Л. Лессиг утверждает, что поскольку сферы применения Интернета интенсивно расширяются, существует устойчивая тенденция распространения «программно-аппаратного» нормативного регулирования как нормативного средства регулирования, и именно Код/кодекс киберпространства (Code of Cyberspace) обусловливает будущее развитие самого киберпространства. В зависимости от того, «какого рода код/кодекс будет регулировать использование киберпространства, кто его будет контролировать, какие ценности этот код/кодекс будет воплощать», можно сделать вывод о «сути киберпространства» и о том, какие свободы и права оно способно гарантировать»[22]. В своих последующих работах Л. Лессиг последовательно развивает обозначенные концептуальные подходы.

Интересный и значительный вклад в исследование проблематики регулирования использования Интернета предпринят Джеком Голдсмитом (Goldsmith J.) и Тимом Ву (Wu T.) в их фундаментальном исследовании — «Кто контролирует Интернет?: иллюзии безграничного мира» (2006). В названной работе обобщен двадцатилетний опыт доктринального анализа правового регулирования использования Интернета, а также правоприменительной практики[23].

В попытках найти ответ на вопрос, вынесенный в название своей работы, Д. Голдсмит и Т. Ву обращаются к ключевым моментам истории развития и правового регулирования Интернета: «всемирные воззрения» интернет-киберутопистов, верящих в создание отдельного кибергосударства, в котором мыслящие люди «воплотили бы мечту» существования открытого виртуального мира; а также людей, которых тревожит «темная сторона киберпространства», дающая приют порнографии, мошенничеству, терроризму и анархии; этапы «преобразования» Интернета из поисковой сети в основное средство коммуникаций и т. д.[24]

Д. Голдсмит и Т. Ву приходят к принципиально важному заключению: «все наши предположения относительно будущего Интернета были неверны, поскольку «территориальное регулирование возможно и на самом деле востребовано»; Интернет «следует рассматривать как виртуальное пространство, в котором территориальное право, государственная власть и международные отношения играют такую же роль, что и технические изобретения»[25].

Проблематика нормативно-правового регулирования Интернета достаточно длительное время не затрагивала международно-правовой контекст регулирования использования Интернета, который оставался вне правового анализа. В доктринальных исследованиях, включая упомянутые ранее, практически полностью отсутствуют ссылки на международное право, хотя в силу трансграничной природы Интернета, особенностей функционирования многоуровневой технологической инфраструктуры Интернета, Интернет должен был стать естественным объектом изучения в контексте международного права. Во всяком случае очевидно, что трансграничное функционирование и использование Интернета объективно влияет на парадигму международно-правового взаимодействия государств и международных организаций, как субъектов международного права. Своеобразное «отставание» исследований в сфере регулирования использования Интернета через призму международного публичного права определяло тональность большинства работ начала XX века. Представляется целесообразным обозначить в общем плане те работы зарубежных интернет-исследователей, которые высвечивают заметные различия как в подходах, так и в постановке и трактовке вопросов, относительно международно-правовых средств регулирования использования Интернета.

Системный доктринальный анализ вопросов регламентации отношений в Интернете в контексте международного публичного права, применимости международного права к Интернету и прочее относятся к началу XXI века, что во многом было обусловлено обозначившейся необходимостью интернационализации трансграничного использования Интернета. В работах зарубежных ученых-международников, исследовавших проблематику регулирования Интернета, международное право традиционно рассматривалось как система договорных и обычных норм и принципов, выражающих согласованную волю государств, и регулирующих отношения между государствами, международными организациями и другими субъектами международного права.

В контексте международного публичного права можно назвать как работы, посвященные комплексному анализу международного публичного права и киберпространства, так и работы, относящиеся к отдельным аспектам этой сферы. Например, отдельные вопросы регулирования Интернета в контексте международного публичного права рассматривались Ивом Пуле (Poullet Y.) — фундаментальные и базовые международно-правовые принципы для киберпространства; Гаретом Грейнжером (Grainger G.) — свобода слова и доступ к информации в контексте международного права; Пером Труделем (Trudel P.) — проблемы ответственности в киберпространстве и др.

В числе первых комплексных исследований можно упомянуть, к примеру:

- работу К. Грюлиха (Grewlich K.) «Управление в «Киберпространстве» — доступ и государственные интересы в сфере глобальных телекоммуникаций»[26];
- исследование под редакцией профессора М. Ибушуки (Ibusuki M.) «Межгосударственное право в сфере киберпространства»[27];
- раннюю работу Р. Веджвуд (Wedgwood R.) «Интернет и публичное международное право: кибернации»[28];
- работу Франца Майера (Mayer F.) «Интернет и публичное международное право — отдельные миры?»[29];
- работы известного американского исследователя Г. Перрита (Perritt H.) «Интернет меняет международное

[21] Lessig L. Op. cit. Code and Other Laws of Cyberspace. P. 89, 104.

[22] Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. P. 61. См. также Lessig L. Code. Version 2.0. Published by Basic Books. A Member of the Perseus Books Group. 2006; Lessig L. Code Is Law. On Liberty in Cyberspace. 2000. и др.

[23] TGoldsmith J., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. New York: Oxford University Press, 2006. – P. 219.

[24] Goldsmith, J., Wu, T. Who Controls the Internet?: Illusions of a Borderless World. Ibid. P. 116-123.

[25] Goldsmith, J., Wu, T. Who Controls the Internet?: Illusions of a Borderless World. Ibid. P. 56-88.

[26] Grewlich K.W. Governance in «Cyberspace» – Access and Public Interest in Global Telecommunications, Den Haag/London/Boston, 1999.

[27] Ibusuki M. (Ed.), Transnational Cyberspace Law. Nippon Hyoron Sha. Tokyo, 2000.

[28] Wedgwood R. The Internet and Public International Law: Cyber-Nations. Kentucky Law Journal (2000).

[29] Mayer F. C. The Internet and Public International Law-Worlds Apart? // European Journal of International Law (EJIL). — Vol. 12. — 2001. — № 3. — P. 617–622.

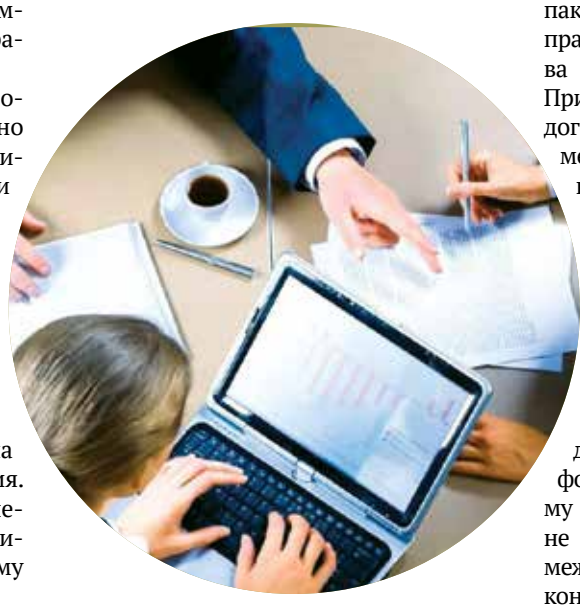
право» и «Интернет меняет систему публичного международного права»[30];

- достаточно известное исследование Д. Менте (Menthe D.) «Юрисдикция в киберпространстве: Теория международных пространств» и др.[31];
- работу Антонио Сегура-Серрано (Segura-Serrano A.) «Регулирование Интернета и роль международного права»[32], в которой осуществлен комплексный анализ международно-правового регулирования Интернета.

В названных исследованиях авторы стремились системно и комплексно проанализировать проблематику взаимовлияния международного права и Интернета.

Рассматривая Интернет и киберпространство как тождественные понятия, в ряде работ исследовался вопрос о том, способно ли международное право накладывать ограничения на внутригосударственное право в части регулирования Интернета и, при положительном ответе на этот вопрос, каковы эти ограничения. Такой подход получил детальное исследование в работах немецких специалистов по международному публичному праву[33].

Например, профессор Патрик Майер (Mayer P.) в работе «Интернет и публичное право. Исследование через призму европейского и международного права»[34], анализирует международно-правовой контекст европейского права и национального права европейских стран. Основа концептуальных подходов Патрика Майера зиждется на исследовании немецкого права в части, которая касается Интернета, а именно: Федерального закона о телекоммуникациях (Telekommunikationgesetz, TGK), Федерального закона об информационных услугах и услугах связи (Informations und Kommunikationsdienstegesetz, IuKDG), Закона об использовании телекоммуникационных услуг (Teledienstegesetz, TDG), Государственного акта о средствах массовой информации (Mediendienste Staatsvertra, MDStV)[35]. Аспекты международного



права, которые необходимо учитывать при регулировании сферы Интернета, Патрик Майер предлагает разделить на следующие категории: принципы; общее международное договорное право, включая международные соглашения в сфере коммуникаций; международные инициативы регулирования Интернета.

Первая категория — международные принципы. П. Майер полагает, что принципы международного права, применимы к Интернету. К числу основополагающих принципов современного международного права П. Майер относит принцип невмешательства, который, по его мнению, может стать правовым основанием, к примеру, «оценки деятельности хакеров, «неправомерного» посягательства на объекты инфраструктуры государств и т. д.»[36]. П. Майер полагает, что к Интернету применимы и такие международные принципы, которые не являются общепризнанными принципами международного права, но закреплены в международных договорах, например, принцип «свободы распространения информации». Для П. Майера очевидно, что механизмы саморегулирования Интернета являются основополагающими и во многом основываются на принципе «свободы распространения информации».

Вторая категория, предлагаемая П. Майером, — общее международное договорное право, которое также применимо к Интернету. В частности, речь идет о конвенционных нормах, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, таких как свобода слова и свобода доступа к информации. Примечательно, что к международному договорному праву П. Майер относит международные соглашения о создании международных межправительственных организаций. В этой связи П. Майер предлагает рассматривать Договор об учреждении Международного союза электросвязи в качестве международного соглашения в сфере коммуникаций и основного международного инструмента, который регулирует собственно саму деятельность в сфере передачи информации. Однако вопрос о том, почему Международный союз электросвязи не рассматривается в контексте права международных организаций, остается в концептуальных подходах П. Майера открытым.

Третья категория — международные инициативы регулирования Интернета. Эту категорию П. Майер анализирует в контексте деятельности Международного союза электросвязи (МСЭ), Всемирной торговой организации, ЮНЕСКО и др. В частности, рассматриваются:

- попытки Международного союза электросвязи (МСЭ) участвовать в регулировании процесса распределения и администрирования системы доменных имен, разработке интернет-протоколов и технических стандартов Интернета и т. д;
- международные инициативы регулирования Интернета, предпринимаемые Всемирной торговой организацией/Генеральным соглашением по торговле услугами (ВТО/ГАТТ) в сфере, связанной с либерализацией телекоммуникационных рынков и облегчению доступа к таковым;
- мероприятия ЮНЕСКО, содействующие формированию информационного общества.

Вместе с тем, такие международные организации, как Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), международные параорганизации, такие как «Группа восьми» (G8) и др., П. Майер исключает из сферы своих исследований[37].

[30] Perritt H.H. The Internet Is Changing International Law. 73 Chicago-Kent Law Review (1998), Perritt H.H. The Internet Is Changing the Public International Legal System 88, Kentucky Law Journal 885 (2000). В этом же контексте изложена работа – Kaiser K. Wie das Internet die Weltpolitik verändert (Как Интернет меняет мировую политику), Frankfurter Allgemeine Zeitung. URL: http://www.hks.harvard.edu/fs/kkaiser/ (дата обращения: 27.02.2016).

[31] Menthe D.C. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces. (1998): URL: http://www.mttlr.org/volfour/menthe.pdf (дата обращения: 02.05.2015).

[32] Segura-Serrano A. Internet Regulation and Role of International Law. Max Planck Yearbook of United Nations Law. Vol. 10. 2006. P. 191-272.

[33] Анализ аспектов европейского законодательства, касающихся Интернета. Kloepfer&Neun. Rechtsfragendereuropäischen Informationsgesellschaft. (Правовые вопросы европейского информационного общества). Europarecht. (512) 2000; Mayer F.C. Europe and Internet: The Old World and the New Medium // European Journal of International Law (EJIL). – 2000. Vol. 11.

[34] Mayer P.G. Das Internet im öffentlichen Recht. Unter Berücksichtigung europarechtlicher und völkerrechtlicher Vorgaben. Duncker & Humblot, 1999. – P. 265.

[35] Mayer P.G. Das Internet im öffentlichen Recht. Unter Berücksichtigung europarechtlicher und völkerrechtlicher Vorgaben. P. 24-139.

[36] Mayer P.G. Das Internet im öffentlichen Recht. Unter Berücksichtigung europarechtlicher und völkerrechtlicher Vorgaben. Duncker & Humblot, 1999. – P. 119.

[37] Интернет и международное право: ретроспектива доктринальных подходов./ М. Б. Касенова // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 2 (65). – С. 18-23. URL: http://www.g7.utoronto.ca. (дата обращения: 27.02.2016).

В своих научных изысканиях П. Майер не исследует взаимосвязь Интернета и международного права; открытым остается вопрос о том, может ли международное право измениться под воздействием Интернета и происходит ли это на самом деле. Вместе с тем он приходит к важному общетеоретическому выводу, что международное право в общем плане влияет на правовое регулирование целого ряда общественных отношений на национальном уровне, включая регулирование в сфере Интернета.

Несколько иной подход и аспект международного публичного права в части регулирования Интернета отражен в работе «Рамки применимости международного права к киберпространству», подготовленной при поддержке ЮНЕСКО[38]. В ней представлено несколько исследований, посвященных различным аспектам взаимодействия Интернета и современного международного права, а «отправной точкой» большинства из них явилось обсуждение возможности заключения международного договора по киберпространству.

В одном из исследований, которое представила Т. Фуэнтес-Камачо (Fuentes-Camacho Teresa), центральным звеном выступают международные организации системы Организации Объединенных Наций и, главным образом, ЮНЕСКО как единственное специализированное учреждение ООН, обладающее «междисциплинарными компетенциями». По мнению Т. Фуэнтес-Камачо международные межправительственные организации ответственны за развитие современного международного права, соответственно координация международно-правового сотрудничества в «электронную эпоху» возлагается именно на них, при этом именно ЮНЕСКО рассматривается как межправительственная организация, которой принадлежит ведущая роль в сфере регулирования использования Интернета[39].

Нельзя не сказать о доктринальных попытках специалистов международного права экстраполировать на сферу Интернета механизмы регулирования существующих международно-правовых институтов. Такие подходы получили развитие в исследовании, вошедшем в коллективную работу «Международные аспекты Закона киберпространства». К примеру, Э. Мария Бальсано (Balsano A.) предлагает «распространить международно-правовые механизмы регулирования «околоземного пространства» на сферу киберпространства. В исследованиях Э. Лонгворт (Longworth E.) киберпространство рассматривается как «международное пространство», подобное международным водам Антарктиды, что, по ее мнению, позволяет использовать те же регулятивные механизмы; при этом регулирование киберпространства должно осуществляться в рамках новой международной организации[40].

Э. Лонгворт (Longworth E.) в одной из своих последующих работ — «Возможности правовых границ киберпространства»[41] — отчасти подтвердила свои идеи, и представила обстоятельное и комплексное исследование, анализирующее правовые основы взаимосвязи между международным правом и киберпространством. Ею исследованы такие вопросы, как потребность в новом международном договоре, в котором был бы определён правовой режим киберпространства, сформулировано понятие киберпространства, определена его структура, решен вопрос о праве, применимом к регулированию отношений в киберпространстве, определён порядок урегулирования споров в международных судах по вопросам киберпространства.

Обзор исследований, связанных с международно-правовым контекстом регулирования Интернета, включая ретроспективу ранних работ, естественно, не позволяет избежать определенной фрагментарности изложения. Несмотря на это, даже беглый обзор очевидным образом свидетельствует о том, что сфера регулирования трансграничного использования Интернета связывается с целым комплексом задач и вопросов, решение которых лежит в плоскости международного права.

Вместе с тем очевидно, что, во-первых, вопрос не в том, применимо ли международное право к Интернету, поскольку положительный ответ на этот вопрос в настоящее время не вызывает сомнений, а в том, каковы формы и методы такого применения. Во-вторых, рамки применимости международного права не следует сводить, как представляется, к системе «ограничений, накладываемых существующим международным правом на национальные или региональные подходы в сфере регулирования использования Интернета»[42]. В-третьих, очевидно, что международное право применимо к Интернету, а Интернет, в свою очередь, влияет на международное право. Вместе с тем тезис о возникновении нового международного права, который высказывался в ряде работ западной правовой доктрины, весьма сомнителен[43]. В-четвертых, существующая реальность не подтвердила предположений о том, что регулирование отношений в сфере Интернета настолько многообразно и «порождает такие синергетические» связи, которые могут трансформировать роль суверенных государств как субъектов международного права[44].

В связи с предметом настоящей статьи нельзя не обратиться в общем плане также к работам зарубежных авторов, связанных с проблематикой использования Интернета (Internet Governance) или управления использованием Интернета. Развитие доктринальных подходов зарубежных ученых в исследовании сущности собственно самого Интернета привело к пониманию того, что Интернет являет собой сложный социальный феномен и при этом не представляет собой «монолитную среду».

С одной стороны, Интернет не может рассматриваться как некий «целостный» объект регулирования, поскольку он обладает многоуровневой технологической инфраструктурой. С другой стороны, основа трансграничного функционирования и использования Интернета зиждется на «саморегулировании» (Self-Regulation)[45]. Эти аспекты Интернета

[38] Les dimensions internationales du droit du cyberspace. Publié sous la direction de Teresa Fuentes-Camacho. Editions UNESCO, 2000. – 284 p. Тезис о возможности заключения международного договора по киберпространству обсуждался Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1997 г. URL: http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/multcybr.htm (дата обращения: 27.02.2016).

[39] Примечательно, что данное исследование вышло в свет в тот период, когда США не являлись членом ЮНЕСКО. США вышли из ЮНЕСКО в 1984 г. из-за несогласия по финансовым вопросам и восстановили свое членство фактически через 20 лет, в 2003 г. В настоящее время, в связи с получением Палестинской автономией статуса полноправного члена ЮНЕСКО, США прекращают финансирование этой организации. По-видимому, в условиях, когда Интернет остается под значительным контролем США, ЮНЕСКО достаточно не просто будет поддерживать свои притязания на участие в регулировании процесса интернационализации использования Интернета. URL: http://www.theguardian.com/world/2013/nov/08/us-unesco-voting-funds-palestine-decision (дата обращения: 27.02.2016).

[40] Les dimensions internationales du droit du cyberspace (Международные аспекты Закона киберпространства). URL: http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/multcybr.htm. (дата обращения: 27.02.2016).

[41] Longworth E. Possibilities of a Legal Framework for Cyberspace: Including a New Zealand Perspective. Prepared for the Unesco Experts Meetings on Cyberspace Law. 2000. Vol.1, UNESCO Publishing.

[42] Mayer F.C. Review The Internet and Public International Law — Worlds Apart? URL: http://www.ejil.org/pdfs/12/3/1536.pdf (дата обращения: 27.02.2016).

[43] Perritt H. (Jr.). The Internet is Changing the Public International Legal System. URL: http://www.kentlaw.edu/cyberlaw/perrittnetchg.html (дата обращения: 27.02.2016).

[44] Kurbalija J. Internet Governance and International Law. URL: http://www.wgig.org/docs/book/Jovan_Kurbalija%20.pdf (дата обращения: 15.08.2014); Mathiason J. A Framework Convention: An Institutional Option for Internet Governance. Concept Paper for the Internet Governance Project. December, 2004. URL: http://dcc.syr.edu/miscarticles/igpFC.pdf (дата обращения:: 15.08.2014); Land M. Toward an International Law of the Internet. University of Connecticut School of Law. November 19, 2012 // Harvard International Law Journal. 2013. Vol. 54. P. 43–98. и др.

[45] Форум Интернет право и политика (The Internet Law & Policy Forum, ILPF) ведет специальную рубрику «Библиография саморегулирования иИнтернета» (Bibliography of Internet Self Regulation). URL: http://www.ilpf.org/groups/bib4_15.htm (дата обращения: 27.02.2016).

стали предметом рассмотрения целого ряда исследований. В их числе можно назвать, к примеру, работы Хосе Е. Карала (Caral J.) «Уроки ICANN: является ли саморегулирование в Интернете изначально ущербным»[46]; Дениса Хирша (Hirsch D.) «Право и политика конфиденциальности в Интернете: регулирование, саморегулирование или со-регулирование?»[47], Эдвина Прайса (Price E.) и Стефана Верхалста (Verhulst S.) «Саморегулирование и Интернет»[48] и др.

В своем исследовании «Саморегулирование и интернет»[49] М. Прайс (Price M. E.) и С. Верхалст (Verhulst S.) рассматривают широкий «междисциплинарный» спектр проблематики трансграничного использования Интернета: технические вопросы, связанные с многоуровневой инфраструктурой Интернета, формирование понятийно-терминологического аппарата в сфере использования Интернета; регулирование интернет-контента, пользовательские соглашения, договоры технического обслуживания и проч.

Концептуальные подходы М. Прайса и С. Верхалста, основываются на том, что саморегулирование отнюдь не новое явление или тенденция регулирования Интернета, поскольку функционирование и развитие технологической инфраструктуры Интернета изначально зиждилось на саморегулировании. Собственно само «саморегулирование в Интернете» М. Прайс и С. Верхалст предлагают понимать содержательно «широко». Такой подход приводит авторов к выводу о том, что именно на саморегулировании основана электронная коммерция, создаются технические протоколы и стандарты Интернета, функционирует система доменных имен, формируется конвергентная и цифровая среда и т. д.

М. Прайс и С. Верхалст, основываясь на «широком» понимании саморегулирования в Интернете, утверждают, что попытки регулирования Интернета «в целом» (Integrally) демонстрируют свою несостоятельность. Эффективность регулирования Интернета зависит не только и не столько от традиционных правовых средств, т. к. собственно само право не следует рассматривать как единственный или основной регулятор в постоянного меняющемся интернет-пространстве[50]. В этой связи М. Прайс и С. Верхалст предлагают рассматривать саморегулирование как наиболее «гибкий вариант» регулирования сферы трансграничного использования Интернета. При этом собственно управление использованием Интернета (Internet Governance) авторы связывают с развитием и расширением институтов и систем саморегуляции в Интернете, к примеру таких, как применение механизмов распределенного регулирования (Rating Mechanisms), топологии фильтрации (Filtering Typologies) и проч.[51]

Обобщение доктринальных исследований, отраженных в обозначенных выше работах, связанных как с национальным, так и международно-правовым регулированием Интернета, позволяет сделать вывод о том, что понимание Интернета как «пространства ничем не ограниченных коммуникаций» кануло в Лету; сфера использования Интернета, с учетом трансграничной природы его функционирования и использования, подлежит правовому регулированию, хотя, несомненно, формы и методы такого регулирования усложняются и формируются достаточно неоднозначно. Фактор «стремительного развития» интернет-технологий, влияет на то, что концептуальные подходы исследования сущности Интернета, способов и методов его правового регулирования и т. д. подвержены «риску устаревания» в течение достаточно короткого времени, что в том числе подтверждается приведенным выше анализом работ зарубежной доктрины. ■

[46] Caral Jose Emmanuel A. Expand+Lessons from ICANN: Is self-regulation of the Internet fundamentally flawed? // International Journal of Law Informational Technology. Oxford University Press. – 2004. – Vol. 12 (SPRING). Issue 1. – P. 1-34.

[47] Hirsch Dennis D. The Law and Policy of Online Privacy: Regulation, Self-Regulation, or Co-Regulation? 34 Seattle Uuniversity Law Review. 439. 2011. URL: http://digitalcommons.law.seattleu.edu/sulr/vol34/iss2/3/ (дата обращения: 27.02.2016).

[48] Price Monroe Edwin and Verhulst Stefaan G. Self-Regulation and the Internet. Kluver Law International. 2005. P. 14-18. URL: http://www.amazon.com/Self-Regulation-Internet-Monroe-E-Price/dp/9041123067 (дата обращения: 27.02.2016).

[49] Price M. E., Verhulst S.G. Self-Regulation and the Internet. Op. cit. P. 14-18.

[50] Price M. E., Verhulst S.G. Self-Regulation and the Internet. Kluver Law International. 2005. P. 14–18. См. также: URL: http://www.amazon.com/Self-Regulation-Internet-Monroe-E-Price/dp/9041123067 (дата обращения: 27.02.2016).

[51] Price M. E., Verhulst S.G. Self-Regulation and the Internet.Op. cit. P. 75–82.

Мадина Балташевна Касенова,
Заведующая кафедрой международного частного права Дипломатической академии МИД РФ, д.ю.н., профессор.

TAGS: Интернет, управление использованием Интернета, саморегулирование, киберпространство, международное право, заинтересованные участники (стейкхолдеры).

Annotation:

The article summarizes the doctrinal studies are reflected in the foreign legal doctrine issues related to both the National and International legal regulation of the internet. The author notes that the evolution of doctrinal approaches of foreign issues has developed from an understanding of the internet as a «Space of Unfettered Communication» to the conclusion that the use of the internet is subject to legal (National and International) regulation. This objective cross-border nature of the operation of the internet as well as Internet Governance, the factor of the rapid development of internet technology and the expansion of social applications of the internet affects the forms and methods of legal regulation, which are complicated and formed quite controversial at the National and International level. ■

Madina B. Kasenova,
Head of the Department of International Private Law for the Russian Federation Diplomatic Academy, Doctor of Law, Professor.

Аннотация:

В статье обобщены доктринальные исследования, отраженные в работах зарубежной правовой доктрины, связанные как с национальным, так и международно-правовым регулированием Интернета. Автор отмечает, что эволюция доктринальных подходов зарубежных ученых прошла путь от понимания Интернета как «пространства ничем не ограниченных коммуникаций» до вывода о том, что использование Интернета подлежит правовому регулированию. При этом объективная трансграничная природа функционирования и использования Интернета, фактор стремительного развития интернет-технологий и расширение социальных сфер применения Интернета влияет на формы и методы правового регулирования, которые усложняются и формируются достаточно неоднозначно на национальном и международном уровне. ■

Источник фото:
digitaltrends.com
extopm.ru

Государственная промышленная политика и особые экономические зоны в современных условиях: международные экономические и правовые аспекты

State industrial policy and special economic zone in modern conditions: international economic and legal aspects

В сложных условиях, сформировавшихся в развитии народного хозяйства в 2014-2016 годах, государство более активно старается помогать бизнесу. В данном случае речь пойдет о двух направлениях: особых экономических зонах (ОЭЗ) на примере Калининградской области и о мерах по поддержке промышленных предприятий.

Сегодня, как и прежде, основными барьерами для привлечения инвестиций в Россию являются сложность административных процедур, коррупционный фактор, а также политическая и законодательная среда. Иностранные инвесторы оценивают инвестиционную привлекательность страны по уровню политической, экономической и социальной стабильности. Среди фундаментальных факторов, выделяемых действующими инвесторами, имеют значение макроэкономическая стабильность, устойчивое развитие экономики в целом, корпоративное налогообложение, телекоммуникационная инфраструктура. В этой связи иностранный капитал, поступающий в страну, не способствует усилению российской экономики. Богатые природные ресурсы России, емкость внутреннего рынка и высококвалифицированный персонал могли бы стать конкурентным преимуществом в борьбе с другими странами за мировые инвестиции. Особые экономические зоны, как инструмент привлечения зарубежных и отечественных инвестиций, способны минимизировать типичные российские проблемы (неэффективное законодательство и администрирование, отсутствие качественной системы защиты интересов инвесторов, бюрократия и коррупция в инвестиционной сфере, отсутствие прозрачности системы регулирования предпринимательской деятельности) и, таким образом, достаточно эффективны для привлечения инвестиций.

Государственная промышленная политика государств-членов ЕС и ЕАЭС в современных условиях: мировой и национальный опыт

В современных условиях указанный рост возможен только при формировании и осуществлении государственной промышленной политики.[1]

Это подтверждается деятельностью большинства государств мира. С началом европейской интеграции французские власти осуществили децентрализацию и ограничили участие государства в крупных национальных проектах, предоставив условия для вложения инвестиций в инфраструктуру и стимулирования малого и среднего бизнеса. Были разработаны кредитные механизмы. Большое место уделяется стимулированию НИОКР и государственным закупкам в ряде промышленных отраслей.

Промышленная политика в Германии направлена на структурную модернизацию промышленности. Здесь эффективно сочетаются методы прямого и косвенного государственного регулирования промышленной политики, которая направлена, прежде всего, на развитие национальной энергетики. Поддержка угольной отрасли является одним из важных элементов промышленно-энергетической политики: частичное субсидирование угледобычи, специальные надбавки к электротарифам, прямое государственное субсидирование добычи и обогащения коксующегося угля, идущего на нужды национальной металлургии.

Приоритетные направления промышленной политики Великобритании — развитие рыночной инфраструктуры, промышленное внедрение инноваций, стимулирование свободной конкуренции, поддержка малого и среднего бизнеса и предприятий-экспортеров, повышение профессионального технического образования.

Государственная экономическая политика в Австрии формируется и реализуется исходя из рыночной модели развития экономики страны в рамках основных концептуальных подходов с учетом преобладания в промышленности мелких и средних предприятий. Государственная индустриальная политика в Австрии концентрируется на создании законодательным путем и обеспечении механизмами исполнительной власти рамочных условий деятельности промышленных предприятий, предоставляя привлекательный режим вложениям отечественных и иностранных частных капиталов в научно-производственные исследования и опытно-конструкторские разработки, наукоемкие, высокотехнологичные и другие перспективные направления производства, используя на эти цели, в частности, средства, полученные от приватизации.

Важную роль в опосредованном государственном финансировании и стимулировании продуктивных производственных капиталовложений

[1] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/22083 (дата обращения: 15.01.2016).

Особые экономические зоны Поволжья

играет система специальных инвестиционных фондов. Инвестиционные фонды являются формально самостоятельными организациями. Их деятельность тесно связана с деятельностью банковских учреждений и в большинстве случаев реализуется через механизм банковского кредитования.

Стратегия экономического роста Японии основана на развитии региональных экономик, среднего и малого бизнеса, реформировании сектора услуг. Экономические направления промышленного и регионального развития взаимосвязаны с главной межсекторальной проблемой — инновациями в человеческий капитал, развитие которого необходимо и для развития производственной и непроизводственной инфраструктуры, инноваций в финансах и инвестициях, технических инноваций. Качественный рост экономики Японии обеспечивается крупными структурными сдвигами и становлением интенсивной модели экономического роста при последовательном увеличении доли наукоемких отраслей промышленности, обновлением производственной базы за счет применения ресурсо- и энергосберегающей технологии, развитием электроники и робототехники и их внедрением во все производственные и непроизводственные процессы (электронизация и компьютеризация экономики), революционными переменами в коммуникационных и аналитических системах и переходом к модели информационного общества.

Промышленная политика Японии осуществляется в общем русле государственной экономической политики, направленной на структурные преобразования и рост общественного производства. Цели и приоритеты промышленной политики вырабатываются на основе стратегических ориентиров, задаваемых для производственной и коммерческой деятельности хозяйствующих субъектов рынка, а также для социальной деятельности государства. Это регулируется в государственных Концепциях промышленной политики, Программах национального развития, служащих исходными документами при формировании и реализации промышленной политики.[2]

В целях гармонизации национальных промышленных политик в странах СНГ, в мае 2012 года в Ашхабаде было подписано Соглашение о сотрудничестве в области промышленности и создании Совета по промышленной политике государств-участников СНГ.[3]

Государства-участники соглашения согласились в необходимости формирования перечня совместных программ и проектов в основных направлениях сотрудничества, координации совместных действий в повышении конкурентоспособности и устойчивом развитии отраслей промышленности, создании совместных производств, транснациональных компаний и финансово-промышленных групп. В Соглашении определены термины «промышленность» и «промышленная политика». Стороны согласились, что они «осуществляют взаимовыгодное сотрудничество через свои уполномоченные (компетентные) органы, отвечающие за выработку и осуществление государственной политики в области промышленности» (ст. 3).

На национальном уровне соответствующие законы были разработаны в государствах-членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В Российской Федерации и в Республике Казахстан это, соответственно, Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» и Закон Республики Казахстан «Об индустриальной политике».[4]

В законах регламентированы следующие положения:

- цели, задачи и принципы промышленной политики;
- правовое положение субъектов промышленной политики;
- полномочия различных уровней государственной власти и местного самоуправления в сфере промышленной политики;
- компетенция консультативно-совещательных органов в сфере промышленной политики;
- особенности стимулирования деятельности субъектов в сфере промышленного развития отдельных отраслей народного хозяйства;
- финансовая поддержка субъектов деятельности в сфере промышленности;
- функционирование государственных фондов развития промышленности, отраслевых и региональных инвестиционных фондов;
- поддержка научно-технической деятельности и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики;
- правовое обеспечение деятельности субъектов в сфере промышленности в области внешнеэкономической деятельности.

[2] Потапова Е. Н., Толкачев С. А. Промышленная политика и государственное регулирование экономики. – М., 2006. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/184742 (дата обращения: 15.01.2016).

[3] Соглашение о сотрудничестве в области промышленности и создании Совета по промышленной политике государств-участников СНГ. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=2020 (дата обращения: 19.01.2016).

[4] Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». URL: http://www.rg.ru/2015/01/12/promyshlennost-dok.html (дата обращения: 20.01.2016).

Особые экономические зоны в мировой экономике и международном праве: теория и практика

Обособленная территория, обладающая особым юридическим статусом по отношению к остальной территории и благоприятными условиями для осуществления экономической деятельности национальными или иностранными предпринимателями (налоговые, таможенные, административные преференции), представляет собой ***особую*** или ***свободную экономическую зону***. В научной литературе отсутствует общепринятая классификация территорий с особым юридическим статусом и преференциальным режимом. В процессе своего развития данное понятие приобрело новые особенности и черты в зависимости от социально-экономической среды, поэтому такого рода территории отличаются целями создания, сроком функционирования, системой предоставляемых преференций, механизмом управления и своим статусом. Создаются такого рода территории для решения стратегических задач развития национальной экономики на 49 лет, а срок их функционирования продлению не подлежит.[5]

Государство за счет собственных бюджетных средств обеспечивает транспортно-логистическую инфраструктуру, а также инновационную, социальную и инженерную. При реализации проектов в ОЭЗ сформирован благоприятный режим администрирования, при котором наиболее востребованные резидентами услуги предоставляются в режиме «одного окна», позволяющего сократить время подачи документов за счет получения государственных услуг в одном месте. Для реализации данной системы задействованы региональные, а также федеральные органы исполнительной власти. Такой интегрированный инструмент привлечения российских и зарубежных инвесторов позволяет развивать приоритетные для России высокотехнологичные отрасли, а также способствует привлечению передовых технологий, развитию импортозамещающего производства.[6]

Продукция и услуги, созданные на территориях экономического роста, становятся конкурентоспособными на внешних рынках. «Мы заинтересованы не просто в механическом замещении нормальных иностранных товаров на посредственные российские. Речь должна идти о создании товаров, конкурентоспособных не только применительно к условиям российского рынка, а применительно к условиям мирового рынка», — было отмечено на Международном инвестиционном форуме «Сочи-2015».[7]

На сегодняшний день ОЭЗ представляют собой современную интерпретацию экономического явления, применявшегося еще в средние века. ОЭЗ прошли эволюцию от торгово-складских и транзитных зон до зон, объединяющих несколько стран. Российской империей ОЭЗ использовались в XIX веке там, где возникала необходимость быстрого освоения территорий, развития внешней торговли и привлечения капитала инвесторов.

Основоположником концепции особых экономических зон является французский экономист XX века Франсуа Перру. В центре его аргументации находится теория «доминирующей экономики» и понятие неоднородности роста, при котором потенциал производства сосредотачивается вокруг ведущей отрасли. Данное явление именуется экономистом как «полюса роста».[8] Основной акцент Ф. Перру — создание экономики господствующих и подчиненных им предприятий, что является олицетворением современной рыночной экономики. Предприятие, производящее свыше 40% продукции всей отрасли, является доминирующим, а остальные экономические единицы испытывают неравноправные отношения к данному центру экономической конъюнктуры, поэтому приспосабливаются к его решениям посредством увлекающего или тормозящего воздействия.[9] Теория Ф. Перру разработана на основе анализа быстрорастущих и новейших отраслей, «отраслей-моторов», обладающих «эффектом влечения» и трансформирующих структуру национальной экономики. «Привилегированными точками применения силы» и движущими силами прогресса являются отрасли тяжелой промышленности и общего машиностроения, химии и нефтепереработки. Именно эти «отрасли-моторы» формируют и совершенствуют развитие будущих отраслей, таких как электроника и атомная энергетика.

Стратегическая задача экономической политики, по мнению Ф. Перру, заключается в создании

[5] Официальный сайт ОАО «Особые экономические зоны». URL: http://www.russez.ru/investors/ (дата обращения: 21.01.2016).

[6] Развитие малого и среднего бизнеса обеспечивается путем формирования механизмов его поддержки: финансирование за счет привлечения отечественных и зарубежных денежных средств, юридическое сопровождение проектов, информационный маркетинг. Примером этого является АО «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». Необходима минимизация экономических и бюджетных ограничений в этой сфере с целью сохранения стабильности предпринимательской среды, о чем отметил глава государства на форуме «Опоры России» 19-20 января 2016 года. Осуществление приоритетных направлений развития бизнеса способствует качественному прорыву экономики России на мировой арене. Инструментом активизации малого и среднего предпринимательства является успешное функционирование особых экономических зон.

[7] Материалы Международного инвестиционного форума «Сочи-2015». URL: http://www.forumkuban.ru/ (дата обращения: 25.01.2016).

[8] История экономических учений: (современный этап): Учебник. Под общ. ред. А. Г. Худокормова. – М.: ИНФРА-М, - 2009. - С. 97.

[9] Сорвина Г. Н. Экономическая мысль XX столетия: страницы истории. М.: РОССПЭН, - 2000. - С. 203.

государством подобных «полюсов роста» и управлении эффектом их распространения, что способствует повышению конкурентоспособности продукции на мировом рынке вследствие роста концентрации производства и инвестиций.

Концепцию регионального роста также теоретически обосновали Торстен Хегерстранд и Джон Фридман. Лейтмотивом идей Т. Хегерстранда является время, которое требуется для регистрации предприятия в той или иной стране (регионе). Данный показатель, по его мнению, демонстрирует степень развитости рыночной среды. Взгляды шведского ученого приобрели большой вес в экономической географии, а также стали базой многих региональных программ в 1970-1990-х годах. Дж. Фридман сосредотачивался на исследовании развивающихся стран и в связи с этим разработал концепцию территориального планирования, которой посвящено множество его монографий. Джон Фридман, Торстен Хегерстранд, а также Иммануил Валлерстайн являются основателями парадигмы центр-периферийных отношений в мировой экономике.

Странам Европы принадлежит наибольший потенциал функционирования особых экономических зон, однако Россия также имеет опыт создания «точек роста» экономики. Термин «свободные экономические зоны» был введен российским законодательством с принятием в 1991 году закона ***«Об иностранных инвестициях в РСФСР».*** Создавались такие территории с целью «привлечения иностранного капитала, передовой зарубежной техники, технологий и управленческого опыта, развития экспортного потенциала РСФСР»[10]. В рамках данного закона иностранные инвесторы и предприятия с иностранными инвестициями приобретали преференции в виде пониженного налогообложения, упрощенной регистрации, снижения таможенных пошлин, безвизового режима и т. д. Особые экономические зоны начали создаваться на территории России, при этом одна из первых появилась в Калининградской области. ***Федеральным законом РФ 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»*** было определено, что «особая экономическая зона — это определяемая Правительством Российской Федерации часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим существования предпринимательской деятельности».[11] С этого момента происходит системное развитие особых экономических зон, а для реализации принятого закона Указом Президента Российской Федерации № 855 в тот же день было создано ***Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами,*** подведомственное Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации. Данный федеральный орган исполнительной власти находился в ведении Министерства экономического развития Российской Федерации и осуществлял правоприменительные функции по управлению особыми экономическими зонами, а также обеспечению специального ***правового режима особой экономической зоны в Калининградской области.*** В 2006 году была создана управляющая компания ОАО «Особые экономические зоны» (РОСОЭЗ) с целью продвижения и эффективного функционирования особых экономических зон в России. «РОСОЭЗ — это масштабный федеральный проект по привлечению инвестиций, передовых научных, производственных и управленческих технологий».[12] Единственным акционером компании является государство, которому принадлежит 100% ее акций.

При появлении первых результатов, полученных на практике в процессе создания и функционирования ОЭЗ, 21 августа 2008 года в Государственную Думу был внесен ***законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»*** и отдельные законодательные акты РФ[13]. Данное действие было совершено с целью оперативного регулирования курса национального развития страны.

Значительным шагом в решении финансово-правового вопроса деятельности резидентов ОЭЗ стал принятый в конце 2009 года ***Указ Президента Российской Федерации,*** в соответствии с которым Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами было упразднено, а его функции переданы ***Министерству экономического развития РФ***[14] Данные изменения направлены на совершенствование организационно-правовыхиуправленческих основ их функционирования,

[10] Библиотека ГОСТов и стандартов. Закон № 1545-1 от 04.07.1991 «Об иностранных инвестициях в РСФСР». URL: http://www.infosait.ru/norma_doc/1/1356/index.htm (дата обращения: 20.01.2016).

[11] Опубликован 27 июля 2005 г. в «Российской Газете» — Федеральном выпуске № 3831. Принят Государственной Думой 8 июля 2005 г. Одобрен Советом Федерации 13 июля 2005 г. URL: http://www.rg.ru/2005/07/27/ekonom-zony-dok.html (дата обращения: 10.01.2016).

[12] Официальный сайт ОАО «Особые экономические зоны». URL: http://www.russez.ru/investors/ (дата обращения: 21.01.2016).

[13] Официальный сайт Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/ria/anounce/doc20140211_3 (дата обращения – 26.01.2016).

[14] Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120971/79ee4448b8f756248bd8e14c41fc1702ae71aa4e/ (дата обращения: 20.01.2016).

усиление эффективности механизмов создания и развития ОЭЗ,[15] а также повышение их экономической привлекательности для инвесторов.[16]

Особая экономическая зона «Янтарь» — вектор европейского и евразийского развития

В 1991 году в Калининградской области была создана ***Особая экономическая зона «Янтарь»***, статус которой в регионе был закреплен федеральным законом в 1996 году. С 2006 года ***действует Федеральный закон от 10.01.2006 № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»***[17]. Целью данных правовых изменений является апробирование новых экономических инструментов в данном регионе с последующим применением на других территориях страны для развития конкурентоспособности экономики России в целом.

Алексей Улюкаев. Особые экономические зоны — важный элемент развития страны

Алабуга (особая экономическая зона)

Верховный Совет РСФСР объявил Калининградскую область зоной свободного предпринимательства 14 июля 1990 года наряду с пятью другими регионами РФ.

Регион Калининградской области был выбран не случайно: выгодное экономико-географическое положение в Центральной Европе на пересечении торговых путей между Евразией и Европой, наличие единственного на Балтике незамерзающего морского торгового порта, уникальные залежи мировых запасов янтаря, все предприятия высокотехнологичные с высокой производительностью труда. Это полигон инноваций и экономика малого бизнеса, которая опережает другие регионы на несколько лет, что позволяет России на равных конкурировать с развитыми странами Запада напрямую и преодолевать отставание от уровня их производства. Экономическая самостоятельность региона и разработка концепции особой экономической

[15] В 2011 г. Дмитрием Медведевым был принят Федеральный закон «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон ввел термин «зона территориального развития» (ЗТР), под которой понимается «часть региона, на которой для ускорения социально-экономического развития создаются благоприятные условия для инвесторов путем предоставления господдержки». Опубликован 9 декабря 2011 г. в«Российской Газете» — Федеральном выпуске № 5654. Принят Государственной Думой 22 ноября 2011 г. Одобрен Советом Федерации 29 ноября 2011 г. URL: http://www.rg.ru/2011/12/06/terrzony-site-dok.html (дата обращения: 11.01.2016).

[16] Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» ввел термин «территории опережающего развития», при этом речь идет о Дальнем Востоке, которому государство предоставляет поддержку и свободу действий для процветания и конкурентоспособности региона. Не исключается и возможность получения прав и возможностей опережающего социально-экономического развития другими российскими территориями после того, как они будут испытаны на Дальнем Востоке. Под территорией опережающего социально-экономического развития понимается территория субъектов Российской Федерации, расположенных в Дальневосточном федеральном округе, на которой установлены особые правовые режимы осуществления предпринимательской, а также иной деятельности. Согласно закону, руководство территориями будут осуществлять наблюдательные советы и управляющие компании, а правительство может создавать территории сроком на 70 лет. Опубликован 31 декабря 2014 г. в «Российской Газете» — Федеральном выпуске № 6571. Принят Государственной Думой 23 декабря 2014 г. Одобрен Советом Федерации 25 декабря 2014 г. URL: http://www.rg.ru/2014/12/31/territorii-dok.html (дата обращения: 11.01.2016).

[17] Опубликован 19 января 2006 г. в «Российской Газете» — Федеральном выпуске № 3974. Принят Государственной Думой 23 декабря 2005 г. Одобрен Советом Федерации 27 декабря 2005 г. URL: http://www.rg.ru/2006/01/19/kaliningrad-dok.html (дата обращения: 12.01.2016).

зоны постепенно стали рассматриваться как тактическое направление развития российского эксклава.

Одна из проблем, которая является препятствием для развития российской экономики, — офшорные схемы. На то, что выбор делается не в пользу юрисдикции России, Владимир Путин впервые обратил внимание еще в декабре 2011 года и отметил: «Если хотим нормальный инвестклимат, то терпеть реализацию офшорных схем в инфраструктурных отраслях, безусловно, нельзя. Вывод через подставные фирмы финансовых ресурсов из отраслевого оборота недопустим»[18]. Акцент направлен был на отсутствие прозрачности конечного бенефициара за офшором. В Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года В. Путин отметил, что требуются соответствующие меры по решению этого вопроса, а также корректировка законодательства для создания благоприятного инвестиционного климата[19]. А в обращении с Посланием к Федеральному Собранию 3 декабря 2015 года президент также указал на необходимость контроля государственных средств и перечисление их исключительно через казначейские счета. Деофшоризация имеет важное значение для развития российской экономики наряду с государственными программами импортозамещения и поддержки экспорта[20].

Особые экономические зоны, благодаря заложенному в них экономическому потенциалу, способствуют решению данной проблемы. А Калининградская область может стать регионом снижения российско-европейских санкционных барьеров. Особая экономическая зона Калининградской области поддерживает национальный курс в экономике и политике России, представляет неотъемлемый элемент модернизации страны в целом за счет промышленности, созданной на базе инструментов, выработанных в данном регионе. Торговые, финансовые и налоговые меры позволяют укреплять экономику отдельного региона, а учреждение особых экономических зон актуально как для России, так и целого ряда стран в связи с новыми реалиями международного разделения труда.

Растет число предприятий и организаций в Калининградской области, увеличиваются стоимость основных фондов, оборот розничной торговли, а также импорт и экспорт региона, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице. Положительная динамика развития региона Калининградской области способствует его укреплению в финансовом и экономическом аспекте.

Экономические показатели Калининградской области в 2005, 2010-2014 годах[21]

Эти «островки» мировой экономики являются «окнами» для притока зарубежных и отечественных инвестиций, технологий, управленческого опыта в отдельные регионы страны, позволяя тем самым подтянуть депрессивные регионы к среднему уровню в странах с передовой экономикой, а в развивающихся странах привлечь инвестиции, чтобы обеспечить технологический и промышленный рост.

Рассмотренные международные экономические и правовые механизмы промышленной политики европейских государств и государств-членов ЕАЭС и СНГ, служащие модернизации национальной экономики, её структурной перестройке за счёт реконструкции старых и создания современных отраслей производства с использованием особых экономических зон, являются одними из наиболее успешных в мировой экономике. ■

Библиографический список:

- История экономических учений: (современный этап): Учебник. Под общ. ред. А. Г. Худокормова. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 733 с.
- Потапова Е. Н., Толкачев С. А. Промышленная политика и государственное регулирование экономики. – М., 2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kapital-rus.ru/articles/article/184742

[18] «Российская газета» — Федеральный выпуск № 5662. URL: http://www.rg.ru/2011/12/20/putin.html (дата обращения: 12.01.2016).

[19] Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 12.01.2016).

[20] Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864 (дата обращения: 12.01.2016).

[21] Данные Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 20.01.2016).

Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014
ВРП (млн руб.)	81837,6	195749,1	241004,8	265361,2	277362,6	—
Стоимость основных фондов [22] (млн руб.)	178685	398091	447257	506873	582994	592394
Число предприятий и организаций[23]	46304	51420	52004	50840	52688	53023
Добыча полезных ископаемых[24] (млн руб.)	12487	13034	16594	17128	15302	13084
Оборот розничной торговли[25] (млн руб.)	36531	90573	100895	109321	118059	131987
Инвестиции в основной капитал[26] (млн руб.)	29959	55877	63171	71757	68702	58501
Внешнеэкономическая деятельность[27] (млн долл. США)						
Импорт:						
- со странами дальнего зарубежья	3704,5	7787,4	10258,9	11988	11798,7	15603,8
- со странами СНГ	92,1	179,4	110,2	168	435,1	292,0
Экспорт:						
- со странами дальнего зарубежья;	789,4	566,0	1193,9	1766	1423,0	3499,9
- со станами СНГ	70,2	63,6	74,2	78,2	110,1	196,5

[22] Указано на конец года по полной учетной стоимости.
[23] Указано на конец года.
[24] Указано в фактически действовавших ценах.
[25] Указано в фактически действовавших ценах.
[26] Указано в фактически действовавших ценах.
[27] Указано в фактически действовавших ценах

TAGS: СНГ, государственная промышленная политика, мировая экономика, промышленная политика Великобритании, Германии, Австрии, Японии; мировая экономика, международное право, особые экономические зоны, полюса роста, отрасли-моторы, преференциальный режим, инвестиции, свободный порт, Калининградская область.

Юрий Владимирович Мишальченко,
доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургский государственный университет профессор кафедры европейских исследований

Андрей Владимирович Торопыгин,
профессор кафедры международных экономических отношений Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политичес-ких наук, профессор

Татьяна Игоревна Ююкина,
Аспирант кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Annotation:

In article the characteristic is given to the main tendencies and the directions of realization of the state industrial policy in the advanced industrial countries (Great Britain, Germany, Austria, Japan). Strategy of the state industrial policy of the CIS countries in system of the Euroasian integration are formulated. The concept of the state industrial policy of the CIS countries in modern conditions of development of world economy is offered. The analysis of special economic zones (SEZ) as an instrument of realization of the industrial policy in the regional economic development is being conducted in the article. The device and principles of SEZ's formation are explored taking into account the Russian's and international law particularity. For a more complete view of SEZ's influence device on the International economy of a particular region the authors are explored the SEZ in the Kaliningrad region, which was one of the first formed on the Russian Federation's territory. The authors give the argumentation of choice for this region in the process of Russian SEZ's formation. The aim of research – the analysis of special economic zones as an instrument to attract foreign and domestic investment to identify opportunities of realization of the industrial policy. To achieve this aim the following tasks are assigned: to determine the necessity and effectiveness of attracting foreign investment in the SEZ, to review the role of the Kaliningrad area like a region in the process of Russian's practice formation special economic zones. The methods of comparative analysis, prediction and generalization are used by authors in the research. As the main results of the research authors stand out: the effectiveness of using competent industrial policy by government and SEZ in attracting investment. The results of the research have been expanding the understanding of the prospects and characteristics economic cooperation between Russia and the EU in the region of Baltic sea. ■

Yury Vladimirovich Mishalchenko,
PhD of Law (habil.), PhD of Economic (habil.), professor Saint-Petersburg State University Professor of Faculty of International relation

Andrey V. Toropygin,
Professor of the International Economic Relations Department of the Russian Academy for National Economy and Public Administration Management Northwest Institute by President of Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

Tatyana Igorevna Yuyukina,
Aspirant of Faculty of International economy and International economic relations Saint-Petersburg State University of Economics

Аннотация:

В статье дана характеристика основных тенденций и направлений реализации государственной промышленной политики в промышленно-развитых странах (Великобритания, Германия, Австрия, Япония). Сформулированы стратегии государственной промышленной политики стран СНГ в системе евразийской интеграции. Предложена концепция государственной промышленной политики стран СНГ в современных условиях развития мировой экономики. В статье проводится анализ особых экономических зон (ОЭЗ) как инструмента реализации промышленной политики в региональном развитии мировой экономики. Исследован механизм и принципы формирования ОЭЗ с учетом специфики российского законодательства и международного права. Для более полного представления о влиянии механизма ОЭЗ на экономику конкретного региона авторами рассмотрена ОЭЗ в Калининградской области, которая была создана одной из первых на территории Российской Федерации. Авторы приводят обоснование выбора данного региона в процессе создания российских ОЭЗ. Цель исследования — анализ особых экономических зон как инструмента привлечения зарубежных и отечественных инвестиций для выявления возможностей осуществления промышленной политики. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: определить необходимость и эффективность привлечения инвестиций в ОЭЗ, рассмотреть роль Калининградской области как региона в российской практике создания особых экономических зон. Авторами статьи в исследовании использованы методы сравнительного анализа, прогнозирования и обобщения. В качестве основных результатов исследования авторами выделяются: эффективность использования государством промышленной политики в привлечении инвестиций. Результаты исследования расширяют представления о перспективах и особенностях экономического сотрудничества России и ЕС в регионе Балтийского моря. ■

Источник фото:
http://oeztlt.ru
rk.gov.ru
gr-news.ru
lipetskmedia.ru
dic.academic.ru

Вторичные источники права США: аналитический обзор

Secondary sources of US law: an analytical review

При изучении американской правовой системы одним из важнейших вопросов является вопрос об источниках американского права.

И если вопрос о первичных источниках американского права, в определенной степени, изучен и обобщен[1], то вопрос о вторичных источниках американского права нуждается в более широком освещении и исследовании. Профессор Марченко по этому поводу сказал: «Все бытующие в пределах англосаксонской правовой семьи представления об источниках права вводятся в научный оборот, по общему правилу, лишь тогда, когда решаются спорные вопросы, касающиеся содержания, путей формирования, роли и назначения всей системы англосаксонского права, или же когда проводится сравнительный анализ всех источников рассматриваемой системы права и источников, формирующих другие системы права»[2]. Поэтому важно рассмотреть те источники, которые дополняют и обобщают первичные источники США.

В США наряду с федеральными есть и многочисленные источники права в отдельных штатах. В данной работе мы не рассматриваем вопросы правового источниковедения штатов США.

Деление источников права на основные (первичные) источники федерального права *(Primary Sources of law)* и вторичные источники права *(Secondary Sources of law)* имеет важное значение для американской правовой системы. Первичные источники права играют абсолютно доминирующую и определяющую роль в иерархии федеральных правовых источников США, являясь одновременно как обязательными *(mandatory)*, так убедительными *(persuasive)*[3].

К (первичным) источникам федерального права обычно относят:

- **писаное право** *(enacted law)*: Конституция США, Федеральные статуты (*federal statutes)*, международные договоры США *(treaties)*, исполнительные соглашения (executive agreements), федеральные правила судопроизводства *(federal rules of procedure)*, федеральные подзаконные правовые акты и административные правила и инструкции *(federal executive orders and administrative rules and regulations)*;
- **прецедентное право** *(caselaw)*: судебные прецеденты на основе общего права; судебные прецеденты, созданные путем толкования писаного права.

Первичные источники федерального права принимаются законодательными, исполнительными и судебными органами федерального уровня, такими как Конгресс США, Верховный суд США, Президент США, агентства США и др. Они имеют обязательную силу на всей территории США для всех

[1] Зайчук О. В. Правовая система США. — Киев, Наукова Думка, 1992.
Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. — М.: Норма, 1997.
Чудаков М. Ф. Конституционное право США: основные институты. – Минск: Тесей, 2003.
Марченко М. Н. Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // Вести. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. — № 4. — С. 26-41.
Марченко М. Н. Законы в системе англосаксонского права // Вести. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. № 5. — С. 69-84;
Марченко М. Н. Источники права. – М.: Проспект, 2005.
Лафитский В. И. Конституции в правовой системе США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения: Четвертый выпуск. № 7, 2006.
Власихин В. А. Основные черты правовой системы США //Россия и Америка в XXI веке, № 3, 2007.
Петрова, Е. А. Статуты и прецеденты в системе источников американского права: Монография / Е. А. Петрова. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007.
Гарашко А. Ю. Особенности систем источников права в романо-германской и англо-американской правовых семьях / А. Ю. Гарашко // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.). - Пермь: Меркурий, 2012.
Лафитский В. И. Конституционный строй США. — 2-е изд., перераб., доп. – М.: Статут, 2011 и др.

[2] Марченко М. Н. //. Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. 1999. № 4. С. 27.

[3] Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. – St. Paul, Minn: West Publishing Co, 3d ed., 2002, pp. 108-109.
McGregor D.B., Adams C.M. The International Lawyer s Guide to Legal Analysis and Communication in the US - Wolters Kluwer, Aspen Publishers, 2008, p. 15.
Calvi J.V., Coleman S. American Law and Legal Systems. 4th ed. – New Jersey, 2000, pp, 8-18.
Law of the United States: An overview / by Peter Hay. - Munchen: Beck, 2002 (Jurisrische Kurz-Lehrbucher), pp.7-16.
Fine T.M. American Legal Systems: A Resource and Reference Guide. Cincinnati, 1997, p. 2

субъектов. Федеральное законодательство фиксируется в Своде законов США *(United States Code)*, но не в виде кодификации, а в виде консолидации, при этом положения одного и того же нормативного акта могут быть размещены в различных главах и разделах Свода законов США в зависимости от предмета правового регулирования.

Именно существование в США общего права вносит в структуру первичных источников права прецедентное право *(caselaw)*. По своему содержанию, структуре, природе, сложности прецедентное право нуждается в определенной систематизации и пояснении. Важно отметить, что «общее право» в США в основном носит не федеральный характер, а формируется и применяется в каждом штате дифференцированно в силу сложившихся в нем традиций и правил. На федеральном уровне «общее право» создается судами в том случае, если отсутствуют федеральные статуты, которые регулируют определенное правоотношение.

Норма права, рожденная и примененная в суде, отличается в целом от нормы статутного права. Если норма права, закрепленная в статуте, содержит общее правило, на основании которого затем должно выноситься конкретное судебное решение, то норма права, содержащаяся в судебном прецеденте, фиксирует частный случай, который впоследствии становится общим правилом.

Кроме того, судья в США относится к статутному праву «как сборникам конкретных норм права, которые подлежат применению только в рамках тех условий, которые к нем обозначены»[4], т. е. судья не вправе расширительно использовать одну и ту же норму права в различных условиях в соответствии с максимой, что «статут, противоречащий общему праву, подлежит строгому толкованию»[5]. Поэтому американское статутное право закрепляет правовые нормы несколько иначе, чем это делается в странах романо-германской правовой семьи.

Статуты, как правило, «содержат общие предписания, обращенные к индивидуально не персонифицированному кругу лиц и случаев, то есть действуют непрерывно, постоянно в отношении всех лиц и всех случаев, предусмотренных содержащимися в них нормами»[6]. К статутам необходимо относиться как к «собранию правил, которые написаны специально для того, чтобы управлять поведением людей в обществе в целом»[7].

Л. Фридмэн в своем исследовании об американском праве подчеркнул, что «любой достаточно важный закон или указ… представляет собой некоторую смесь специфических деталей и весьма широких, туманных принципов. Некоторые, конечно, опускают все детали, другие, наоборот, опускают широкие, общие описания. Но большинство смешивает обе части»[8].

Для понимания того, как нормы права фиксируются в американских статутах, рассмотрим один из вариантов. Вот полный текст американского закона Alien Tort Statute (ATS)[9]: «Окружной суд обладает юрисдикцией в отношении любого гражданского иска, поданного иностранцем в связи с причинением вреда в том случае, если такой вред причинен в результате нарушения международного права или международного договора США». Из самого текста мы получаем мало информации, так как он достаточно лаконичен, содержит самое общее предписание. Однако его современная значимость подчеркивается важностью тех отношений, которые он регулирует в правовой системе США[10]. Любопытно, что до 1980 года этот акт почти не применялся, американские источники приводят всего два случая применения судами данного статута[11]. После 1980 года суды стали применять данный закон более активно, начало этому положило рассмотрение Апелляционным судом 2 округа США дела Filártiga v. Peña-Irala[12], создавшего прецедент о привлечении к ответственности иностранцев за деликты, совершенные за пределами Соединенных Штатов, которые нарушили нормы международного публичного права или какие-либо договоры, участником которых являются США. Таким образом, федеральный суд истолковал и применил данный закон на практике. Сам Alien Tort Statute (ATS), по сути, не содержит правил поведения как таковых, в конечном итоге он определяет юрисдикцию. В дальнейшем нормы данного статута применялись в случаях нарушения международно-правовых норм в отношении физических лиц (Sosa v. Alvarez-Machain)[13], так и в случаях ответственности корпораций (Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co.)[14]. Таким образом, мы можем смело утверждать, что наполнение статута конкретным содержанием происходит путем принятия каких-либо конкретных решений административными и судебными органами США, а сами статуты служат некими рамочными законами, содержание которых заполняется административными либо судебными прецедентами.

Также американские законодатели принимают законы, которые более детализированы, чтобы расширить сферу правового воздействия статутов[15] и предотвратить любое двойное толкование судами смысла акта, «как если бы текст статута был маленькой, утлой лодчонкой в бушующем враждебном море»[16]. Поэтому бывает и другая крайность, когда статуты пишутся длинными, сложными предложениями с различными пояснениями, синонимами, оговорками, перечислениями и др. Например, в одном из законов штата Огайо содержится положение: «Все обещания, соглашения, обязательства, векселя, договоры и другие документы, целиком или частично касающиеся денег или других ценных вещей, выигранных или проигранных, положенных, поставленных или находящихся в игре любого рода, или на скачках, или петушиных боях, спортивных или развлекательных играх, соревнованиях или пари, или выдача денег в долг или вперед во время игры, соревнования, пари с целью быть положенными, поставленными, находящимися в игре или пари, признаются недействительными».[17]

Причины такого различного написания законов бывают разными, разбираться в этом вопросе не входит в нашу задачу, однако такое написание статутов вызывает необходимость правильного, четкого, адекватного понимания правовых норм, зафиксированных в статутах и прецедентах.

Вторичные источники права в США играют вспомогательную роль. Они дополняют первичные источники, раскрывают смысл, интерпретируют и анализируют правовые нормы. Считается, что они имеют доктринальный

[4] Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. – St. Paul, Minn: West Publishing Co, 3d ed., 2002, pp. 122

[5] Jefferson B. Fordham, J. Russel Leach. «Interpretation of Statutes in Derogation of the Common Law». Vanderbilt Law Review. 1950, vol. 3, p. 440

[6] Петрова Е. А. Статуты и прецеденты в системе источников американского права: Монография / Е. А. Петрова. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007, С. 28

[7] Pratt D. Legal Writing: A Systematic Approach. St Paul, 1999, p. 2

[8] Lawrence M. Friedman, American Law: An Introduction, N.Y, 1984, p.100

[9] Alien Tort Statute (ATS) (28 U.S.C. § 1350)

[10] The Alien Tort Claims Act: an analytical anthology / editors, Ralph G. Steinhardt and Anthony D' Amato. Transnational Publishers, Inc, Ardsley, New York, 1999

[11] Hufbauer, Gary Clyde; Mitrokostas, Nicholas K. (2004). International Implications of the Alien Tort Statute. 16 St. Thomas L. Rev., p. 607, 609

[12] Filártiga v. Peña-Irala, 630 F.2d 876 (2d Cir. 1980)

[13] Sosa v. Alvarez-Machain, 542 U.S. 692 (2004)

[14] Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co., 133 S.Ct. 1659 (2013)

[15] Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. – St. Paul, Minn: West Publishing Co, 3d ed., 2002, pp. 51-52

[16] Lawrence M. Friedman, American Law: An Introduction, N.Y, 1984, p.101

[17] Lawrence M. Friedman, American Law: An Introduction, N.Y, 1984, p.101

характер, однако, например, в отношении рестейтментов *(Restatements)* можно смело утверждать, что судьи в своих решениях регулярно ссылаются и опираются на них, доказательством этому служит ежегодное приложение Американского Института Права *(American Law Institute (ALI)* к каждому выпуску рестейтмента, где отражается судебная практика, в которой были применены те или иные нормы из него[18].

Вторичные федеральные источники права выполняют важную функцию по объяснению, интерпретации, толкованию первичных источников и общего права. Они никогда не обладают обязательной силой, но могут иметь убедительный характер, авторитет и предлагают важные аргументы для использования. Вторичные источники представляют из себя широкий объективный обзор и исследование применяемых в судах норм права. Вторичные источники часто поднимают и исследуют проблемы, которые еще не нашли отражения и закрепления в первичных источниках права. В них цитируются различные доказательства позиций сторон в казусе, анализируются аналогичные решения судов, относящиеся к рассматриваемому вопросу, рассматриваются решения по подобным вопросам в различных штатах[19]. Иногда, когда первичные источники отсутствуют, некоторые из вторичных источников используют в качестве обязательных, например, рестейтменты.

К основным видам вторичных источников права *(Secondary Sources of law)* американская доктрина относит следующие:

- Юридические словари *(Legal Dictionaries)*,
- Слова и Фразы *(Words & Phrases)*,
- Юридические энциклопедии *(Legal Encyclopedias)*,
- Аннотируемый сборник судебных решений *(Annotated Law Reports)*,
- Юридические периодические издания *(Legal Periodicals)*,
- Юридические трактаты, Основы и Краткие изложения *(Legal Treatises, Hornbooks and Nutshells)*,
- Рестейтменты *(Restatements)*,
- Унифицированные (модельные) законы для штатов *(Uniform Laws)*,
- Специальные выпуски нормативно-правовых материалов и решений судов в сборниках в форме подборок с вынимающимися листами *(Loose Leaf Services)*,
- Юридические справочники *(Legal Directories)*.

К юридическим словарям *(legal dictionaries)* в американской правовой системе относят сборники слов (юридических терминов и выражений), которые содержат определения терминов в юридическом смысле и варианты их использования на практике (в различных юридических ситуациях). Самый авторитетный юридический словарь в США — Юридический словарь Блэка (Блэкс) (последнее издание Black's Law Dictionary, 10th ed., St. Paul, MN: West, 2014). Первая редакция словаря была издана еще в 1891 году. Во многих рассмотренных в Верховном Суде делах есть ссылка на этот словарь, например, в более чем 200-летнюю историю своей деятельности Верховный суд ссылался на словари более чем в 700 случаях[20]. Примерами могут служить решения Верховного суда 1993 года: Hartford Fire Ins. Co. v. California (понятие «бизнеса» в законе McCarran-Ferguson Act)[21]; Daubert v. Merrell Dow Pharmeceuticals, Inc. (понятие «знание» в Federal Rules of Evidence)[22]; Commissioner v. Soliman (понятие «руководитель» в Internal Revenue Code)[23] и др.

[18] Case citations to the Restatement of the Law Cumulative Annual Supplement. For Use In 2014. Reporting Cases Through June 2013 That Cite (This Supplement contains all citations to the Restatement of the Law Second, Foreign Relations Law of the United States, and the Restatement of the Law Third, The Foreign Relations Law of the United States. For subsequent citations, see also the Interim Case Citations to the Restatements and Principles of the Law pamphlets designated for use with the 2014 Pocket Parts and Supplements)/Publications Director: Marianne McGettigan Walker/The American Law Institute, 402.5 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2014.

[19] Farnsworth E. A. An Introduction to the Legal System of the United States. – Oceana Publications, Inc., 1963, pp. 80-82; Lawrence M. Friedman, American Law: An Introduction, N.Y, 1984, p.9-10.
Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. – St. Paul, Minn: West Publishing Co, 3d ed., 2002, p. 157-160.
Law of the United States: An overview / by Peter Hay. - Munchen: Beck, 2002 (Jurisrische Kurz-Lehrbucher), p.14-15.
An Introduction to the Law of the United States / editors and authors. Alain A. Levasseur and John S. Baker. University Press of America, 4720 Boston Way Lanham, Maryland 20706, 1992, p. 29-31

[20] Kevin Werbach. The Supreme Court's Use of Dictionaries in Statutory and Constitutional Interpretations//Harvard Law Review. April, 1994

[21] Hartford Fire Ins. Co. v. California, 113 S. Ct. 2891, 2901 (1993)

[22] Daubert v. Merrell Dow Pharmeceuticals, Inc., 113 S. Ct. 2786, 2795 (1993)

[23] Commissioner v. Soliman, 113 S. Ct. 701, 706 (1993)

Слова и Фразы *(Words & Phrases)* — это многотомное издание, подобное юридическим словарям. В нем также даются определения слов, фраз в юридическом смысле, но Слова & Фразы также включают многократные примеры того, как юридический термин, слово или фраза были использованы судами (Words and Phrases, St. Paul, MN: West Publishing, 1940. — Kept current with pocket parts and supplements. (CALL NO. KF156. W6712, Row 88).

Юридические энциклопедии *(legal encyclopedias)* предлагают широкий выбор и общий комментарий относительно всего спектра федерального права и права штатов. Все статья размещены в алфавитном порядке. Они полезны как начальная точка для исследования незнакомых областей права. Большинство статей в энциклопедиях сосредоточено на прецедентном праве, но чаще всего не содержат ссылок на конкретные нормы права. Энциклопедии носят более доктринальный характер, чем правоприменительный. Эти источники хороши тем, что юрист может получить быструю и общую информацию и выйти через перекрестные ссылки на иные материалы по теме и ALR. Каждый том энциклопедии содержит специальные таблицы и индексы для удобного поиска информации. В них можно найти ссылки на все прецеденты и все правовые позиции судов при вынесении прецедентных решений. Двумя основными национальными юридическими энциклопедиями являются: American Jurisprudence 2d (Am Jur), St. Paul, MN: West Publishing, 1962 с последующими ежегодными дополнениями и Corpus Juris Secundum (CJS), St. Paul, MN: Thompson/West, 1936 с последующими ежегодными дополнениями. У некоторых штатов также есть подобные энциклопедии, которые содержат информацию только по терминам и комментариям законодательства одного штата, например, в Мэриленде с 1960 года есть ежегодно обновляемая и дополняемая West's Maryland Law Encyclopedia, St. Paul, MN: West Group, 1960.

Аннотируемый сборник судебных решений *(annotated law reports)* состоит из эссе, которые анализируют и обсуждают отдельные специальные правовые вопросы и судебные прецеденты, как федеральные, так прецеденты штатов, представляющие интерес для практикующих адвокатов и ученых. В этих сборниках уделяется внимание узким специфическим юридическим вопросам, а не общим проблемам и темам общего права. Статьи анализируют и описывают отдельные судебные казусы по различным правовым вопросам различных штатов, чаще всего рассматривая их с учетом подсудности. Наряду с критическим анализом казусов, статьи имеют ссылки на статуты, обзоры, тексты, трактаты, юридические журналы, юридические энциклопедии и иные источники. Наиболее популярным и востребованным является American Law Reports (ALR), St. Paul, MN: Thomson/West, 1919 — с последующими новыми выпусками. Он состоит из 7 выпусков, один из которых является федеральным. Имеет очень удобную поисковую систему необходимого судебного прецедента и указатели.

Юридические периодические издания *(legal periodicals)* очень полезны для разбора вновь появляющихся казусов и применения права в отдельных ситуациях. Периодические издания оперативны и всегда располагают современными фактологическими данными. Объекты исследования в монографиях требуют большего времени, а в периодических изданиях они появляются гораздо быстрее. Статьи в текущих периодических изданиях описывают, анализируют и комментируют текущее состояние федерального американского законодательства и судебной практики. Существует большое количество юридических доступных периодических изданий, включая журналы юридических школ *(Law School Reviews)*, периодические издания ассоциаций адвокатов *(Bar Association Journals)*, юридические газеты *(Legal Newspapers)*, информационные бюллетени *(Newsletters)* и т. д. В каждом американском вузе, имеющем юридическое направление, есть свой правовой журнал, где печатаются преподаватели и студенты этой школы (например, Columbia Law Review[24], Harvard Law Review[25], Stanford Law Review[26] и др.). Статьи из журналов можно найти как в печатной версии, так и в электронном виде. Самой современной электронной базой всех печатных работ является Westlaw Next[27].

Юридические трактаты (монографии), основы и краткие изложения *(legal treatises, hornbooks and nutshells)* — публикации, которые представляют серьезное всестороннее исследование определенной правовой проблемы (темы) авторитетными учеными и практиками. Трактаты могут издаваться как в одном томе, так и в многотомных изданиях. Например: Farnsworth on Contracts, 3rd ed., E. Allan Farnsworth, NY: Aspen Publishers, 2004; Federal Practice and Procedure, Charles Alan Wright and Arthur R. Miller, St. Paul, MN: West Group, 1969 с последующими дополнениями.

Hornbooks («прописные истины») — учебники типа трактатов, написанных для студентов-юристов. Они обычно представляют из себя необъемные публикации, связанные с определенными правовыми сферами, которым они посвящены. Информация, представленная в них, имеет не аналитический, а описательный характер, по своему объему они небольшие и компактные. Например, Criminal Law, 4th ed., Wayne R. LaFave, St. Paul, MN: Thomson/West, 2003.

Casebooks — сборники прецедентов по определенной теме для студентов, например, Prosser, William, Wade, John; Schwartz, Victor (2000), Prosser, Wade, and Schwartz's Torts: Cases and Materials (10th ed.).

[24] http://columbialawreview.org/

[25] http://harvardlawreview.org/

[26] http://www.stanfordlawreview.org/

[27] http://legalsolutions.thomsonreuters.com/law-products/westlaw-legal-research/

Nutshells (краткие изложения) — предоставляют из себя краткое сжатое адаптированное изложение определенной правовой сферы (института, проблемы), например, Nutshells Criminal Law.

Рестейтменты *(restatements)* — кодификации определенных обобщающих мнений юристов-практиков (адвокатов, действующих судей, ученых-юристов (преподавателей ведущих университетов) по определенной правовой сфере или правовому институту общего права США. Все рестейтменты созданы Американским правовым институтом (American Law Institute (ALI), который является частной некоммерческой юридической организацией. Цель этих источников — разъяснить постоянно увеличивающееся количество сложных прецедентов ясными и краткими толкованиями. Принимаются они всеми членами ALI в определенном порядке: подготовку первоначального проекта осуществляет группа юристов под руководством ведущего известного юриста, затем рассматривается Советом АИП, общественностью и, в завершении работы, всем составом АИП[28].

Структурно рестейтменты имеют свою внутреннюю систему. Каждая часть рестейтмента начинается с «black letters», которые содержат квинтэссенцию этой части, затем следуют комментарии авторов, примеры применения обсуждаемых правовых норм и институтов на практике, теоретическое пояснение выводов, история появления данной правовой нормы. По своей сути рестейтменты являются неким рамочным правовым актом в области общего права, основанном на кодифицированном толковании и комментировании доктринально-практического характера. Штаты, на основе них или используя их, могут принимать определенные правовые акты, соответствующие теме рестейтмента. Рестейтменты оказывали и оказывают большое влияние на решения судов, т. к. суды часто ссылаются в своих решениях на отдельные нормы рестейтментов. ALI завершил подготовку рестейтментов в 17 сферах правового регулирования[29]:

- Представительство (Agency) (Second)
- Распределение ответственности (Apportionment of Liability) (Third)
- Коллизионное право (Conflict of Laws) (Second)
- Договорное право (Contracts) (Second)
- Международное право и международные отношения (Foreign Relations) (Third)
- Процесс вынесения решений судьями (Judgments) (Second)
- Право, регулирующее деятельность юристов (Law Governing Lawyers) (Third)
- Ответственность за качество и безопасность продукции (Products Liability) (Third)
- Право на имущество (Property) (Third)
- Правило благоразумного инвестора (Prudent Investor Rule) (Third)
- Возмещение ущерба (Restitution) (First)
- Обеспечение обязательств (Security) (First)
- Поручительство и гарантии (Suretyship and Guaranty) (Third)
- Деликтное право (Torts) (Second)
- Доверительная собственность (Trusts) (Second)
- Недобросовестная конкуренция (Unfair Competition) (Third)
- Завещания и безвозмездные передачи (Wills and Donative Transfers) (Third)

Рестейтменты представляют из себя некую кодификацию определенных обобщающих мнений юристов-практиков (адвокатов, ученых-юристов (преподавателей ведущих университетов), действующих судей по определенной правовой сфере или правовому институту общего права США. Обобщение происходит на основе правовых доктрин, общих принципов, максим прецедентного, общего права, которыми руководствуются в своей практике судьи. Выводы комиссий института строятся на принципе stare decisis, т. е. опираются на обязательность юридической силы прецедента. Рестейтменты являются для большинства практикующих юристов авторитетными и важными, хотя и не обязательными в их повседневной профессиональной деятельности. Рестейтменты, являясь вторичными источниками права, по своей сути отражают обобщенное мнение юридического сообщества США. Эти документы никак не меняют закон и прецеденты, они концентрируют вместе все важнейшие нормы общего права, уже существующие в американской правовой системе, и всех правовых систем штатов по исследуемым проблемам. Широко используются судьями в случаях, когда закон неясен, при принятии решений, т. к. представляют из себя концентрированные правила (правовые позиции) общего права и являются ценнейшими ресурсами для нахождения конкретного прецедента. Рестейтмент также помогает быстрее ориентироваться в сложном запутанном общем праве и помогает уяснить смысл и правовые позиции суда по каждому из представленных обобщений. Нередко судьи в своих решениях прямо ссылаются на правила, которые содержатся в Рестейтментах[30].

Среди наиболее важных и авторитетных рестейтментов можно сослаться на Restatement of the Law of Trusts, сыгравший большую роль в урегулировании отношений доверительной собственности и в унификации законодательства штатов в области доверительного управления. Restatement of the Law of Contracts является важнейшим источником права в области контрактного права, т. к. при его обсуждении и одобрении принимали участие лучшие действующие судьи федеральных судов и судьи всех штатов, практикующие адвокаты, профессора лучших вузов в области контрактного права. Документ был подготовлен такого качества, что по сегодняшний день во всех учебниках, научных работах и исследованиях, в решениях судей, в которых рассматриваются вопросы контрактного права, ссылаются на этот документ.

Унифицированные (модельные) законы *(Uniform Laws)* для штатов, подготовленные Национальной конференцией уполномоченных по унификации законов штатов — НКУ (National Conference of Commissioners on Uniform State Laws — NCCUSL; Uniform Law Commission (ULC)[31] (например, модельные кодексы, такие как *Uniform Commercial Code или Model Penal Code*).

Национальная конференция уполномоченных по унификации законов штатов — НКУ (National Conference of Commissioners on Uniform State Laws) — была создана в 1892 году для того, чтобы стандартизировать то право (правовые отрасли и правовые институты), которое относились в соответствии с федеральной конституцией к законодательству штатов. «Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами либо за народом»[32] — гласит XX поправка в Конституции США. Данное правило поддерживает доктрина, которая была сформулирована в 1938 году

[28] Акчурин Т. Ф. Словарь по сравнительному правоведению. – М.: Орбита-М, 2015. — С. 203-205

[29] Все рестейтменты можно посмотреть на портале HeinOnline http://home.heinonline.org/

[30] Например, в решениях по делам: Richetta v. Stanley Fastening Systems, PICS Case No. 09-1561 (E.D. Pa. Aug. 21, 2009) были использованы нормы Restatement (Third) of Torts; Donovan v. RRL Corp., 27 P.3d 702 (Cal. 2001) были использованы нормы Restatement (Second) of Contracts и т. д.

[31] Официальный сайт Национальной конференцией уполномоченных по унификации законов штатов — НКУ (National Conference of Commissioners on Uniform State Laws) — http://uniformlaws.org/

[32] Шумилов В. М. Правовая система США. – 3-е изд. – М. Международные отношения, 2013. — С. 353

Верховным судом США[33], что федеральные суды не вправе устанавливать прецеденты в области общего права, которое относится к праву штатов (то есть в области деликтов, семейного права, договорного права и т. д.). Однако вопросы общего права часто выходят за границы штатов и требуют определенной гармонизации. В США к концу XIX века образовалась сложная ситуация, когда по огромному спектру юридических вопросов каждый штат имел собственные правовые нормы. В силу особенностей федерализма и наличия общего права, федеральный центр не имеет право регулировать данные правоотношения.

Национальная конференция уполномоченных по унификации законов штатов является частно-государственной организацией, в её работе принимают участие: частные и государственные адвокаты, федеральные судьи и судьи судов штатов, преподаватели права ведущих американских школ права, которые, как правило, назначаются губернаторами штатов. Она готовит проекты законов по различным правовым вопросам и предлагает их для принятия всем штатам США, округу Колумбия, Виргинским островам США и Пуэрто-Рико. Национальная конференция уполномоченных по унификации законов штатов, являясь влиятельной некоммерческой общественной юридической организацией, не имеет права принимать обязательные правовые акты для штатов. Предлагаемые Национальной конференцией уполномоченных по унификации законов штатов унифицированные акты могут стать обязательными для штатов только тогда, когда будут в той или иной редакции приняты в качестве законов легислатурами штатов. Унифицированные (модельные) законы представляют из себя коллективно подготовленные типовые (модельные) проекты законов для гармонизации правовых систем штатов и для облегчения подготовки и принятия аналогичных или подобных законов в отдельных штатах. Кроме того, в них могут содержаться не только правовые обобщения, но и некоторые передовые правовые идеи, которые пока отсутствуют в законодательной и правоприменительной практике.

На сегодняшний день Национальной конференцией уполномоченных по унификации законов штатов подготовлено более 120 различных унифицированных (модельных) актов. Наиболее известными из являются: Единообразный Торговый Кодекс (Uniform Commercial Code), Модельный Уголовный Кодекс (Model Penal Code), Единообразный Трастовый Кодекс (Uniform Trust Code), Единообразный Закон о товариществах (Uniform Partnership Act), Единообразный Закон об Обществах с Ограниченной Ответственностью (Uniform Limited Liability Company Act), Единообразный Закон об Арбитраже (Uniform Arbitration Act) и т. д.

Периодически, в соответствии с изменениями в правоприменительной, законодательной практике и новыми научными доктринами, эти акты Национальная конференция уполномоченных по унификации законов штатов обновляет, выпуская новую редакцию. Например, были подготовлены новые редакции Единообразного Закона об Арбитраже (Revised Uniform Arbitration Act), Единообразного Закона о товариществах (Revised Uniform Partnership Act), Единообразного Закона об Обществах с Ограниченной Ответственностью (Revised Uniform Limited Liability Company Act) и др. На официальном сайте Национальной конференции уполномоченных по унификации законов штатов всегда можно ознакомиться с последними редакциями унифицированных актов[34]. На сайте также можно посмотреть, какие штаты одобрили унифицированные акты и включили их в свое законодательство в собственной редакции.

Loose-Leaf reporting Services — специальные выпуски нормативно-правовых материалов и решений судов в сборниках в форме подборок с вынимающимися листами. Удобная форма для практикующих юристов, когда при изменении нормативно-правового акта или появлении нового судебного решения можно легко дополнить материал. Чаще всего такие сборники издаются по банковскому праву, налогам, бесплатной медицинской помощи, ценным бумагам и др. в силу их достаточно частого изменения. Эти публикации издаются в специальных переплетах. Например, Standard Federal Tax Reporter, Chicago: Commerce Clearing House, 1945 — с последующими изменениями и дополнениями; Immigration Law and Procedure Reporter, New York: LEXIS Publishing, 1985 — с последующими изменениями и дополнениями.

Юридические справочники *(legal directories)* — различные специальные сборники для получения различной правовой информации. Эти справочники представляют: биографическую информацию о поверенных, юридических фирмах, судебных экспертах, преподавателях, государственных служащих, корпоративных юридических департаментах, организациях юридической помощи и выборных должностных лицах. Например, Federal Regulatory Directory (Federal Regulatory Directory, Washington, DC: Congressional Quarterly, Inc., 1979/80 —) — подробное руководство по федеральным контролирующим органам. В него включены различные документы и нормативно-правовые акты, в соответствии с которыми агентства получают свои полномочия. The United States Government Manual (United States Government Manual, Washington, DC: Office of the Federal Register, National Archives, 1973 —) — справочник федеральных агентств. В него включены краткие описания полномочий агентств, контакты и ссылки на законодательство, на основании которого действуют агентства. Самый популярный юридический справочник — Martindale-Hubbell (Martindale-Hubbell Law Directory, NY: Martindale-Hubbell Law Directory, Inc., 1931 —). Martindale-Hubbell предоставляет информацию о поверенных и юридических фирмах всех штатов и других стран[35].

Есть и иные вторичные источники американского права, такие как American Jurisprudence Proof of Facts — многотомное издание для практикующих юристов с советами по подготовке материалов к экспертизе, с анализом более 140 правовых институтов. Доступен на американских справочных правовых системах Westlaw или LexisNexis, а также в печатном виде; American Jurisprudence Trials – издание, помогающие адвокатам готовиться к судебным разбирательствам, анализирующее юридическую практику и дела, выигранные лучшими американскими адвокатами (издание использует практику 300 лучших адвокатов США); American Jurisprudence Legal Forms and American Jurisprudence Pleading and Practice Forms (Revised) – юридический справочник с предлагаемыми типовыми формами правовых документов (содержится более 43 тысяч различных типовых правовых документов наиболее часто используемых в американской юридической практике). Имеет удобную справочную и поисковую систему; Digests — дигесты — обзоры судебных прецедентов по штатам в алфавитном порядке по темам; Headnotes - адаптированные сборники National Reporter System первичных и вторичных источников права, с резюме юристов практиков и теоретиков; Принципы права *(Principles of the Law)* — аналитические

[33] doctrine of Erie Railroad Co. v. Tompkins (1938)

[34] Официальный сайт Национальной конференцией уполномоченных по унификации законов штатов — НКУ (National Conference of Commissioners on Uniform State Laws) — http://uniformlaws.org/

[35] Martindale-Hubbell доступен также в Интернете: http://martindale.com/. Этот веб-сайт позволяет искать адвоката не только ориентируясь на специализацию адвоката, но и ориентируясь на его местоположение.

исследования в проблемных области права, с предложениями об изменениях в законодательстве, подготовленные различными комиссиями Американского института права и др.

Подводя итоги вышесказанного необходимо сделать следующие выводы:

- Необходимость появление вторичных источников права в США объясняется сложностью правовой системы США и нескоординированностью (несогласованностью) правовых систем штатов,
- Еще одной важной предпосылкой появления вторичных источников права в США является наличие общего права, которое дано в соответствии с Конституцией США на откуп штатам и в определенных случаях федеральным судам (когда отсутствует федеральный статут, регулирующий правоотношение).

Вторичные источники права не являются обязательными для исполнения и считаются лишь авторитетными источниками, которыми вправе воспользоваться правоприменители в тех случаях, когда отсутствует первичный источник права или когда существует пробел в праве.

Служебная роль вторичных источников права, однако, не показывает их значимость и роль в правоприменительной практике США, т. к. суды пользуются вторичными источниками при вынесении своих решений. Практикующие адвокаты, начиная работать по определенному делу, часто используют удобные формы вторичных источников права, т. к. они лучше отражают правоприменительную практику и помогают быстрее найти необходимые правовые нормы и сориентироваться в конкретной юридической ситуации.

По своей природе вторичные источники федерального права в США являются объяснениями, интерпретациями, толкованиями первичных источников и общего права, кроме тех случаев, когда в них содержатся какие-либо правовые новации и предложения по модернизации правовых норм и актов, как, например, в Принципах Права *(Principles of the Law)*, подготавливаемых Американским Институтом права. Так совсем недавно были опубликованы «Правовые и Экономические Принципы Права ВТО: Национальный режим» (The Legal and Economic Principles of World Trade Law: National Treatment)[36].

Для более глубокого понимания американского права лучше всего использовать вторичные источники права, потому что в них содержатся достаточно широкий, приближенный к объективности доктринальный обзор и исследование применяемых в судах норм общего права и первичных источников права. Это является весьма важным, поскольку закрепление в первичных источниках права правовых норм обладает рядом специфических особенностей, а само американское право в большей степени опирается на правоприменение (судебные решения). Судейское усмотрение в США играет не последнюю роль, что лишний раз показывает значимость и важность вторичных источников права, так как в них обобщается правоприменение как в федеральных судах, так и в судах штатов.

Необходимо отметить, что вторичные источники права восполняют пробелы в американском праве, причем это возможно как в случаях полного отсутствия норм, которые должны были урегулировать конкретную жизненную ситуацию, так и при недостаточном её урегулировании уже имеющимися нормами права.

Вторичные источники права часто поднимают и исследуют те актуальные правовые проблемы и ситуации, которые еще не нашли отражения и закрепления в первичных источниках права. В множественных формах вторичных источников права каждый юрист может ознакомиться с тенденциями, направлениями и перспективами американского права.

Вторичные источники права обеспечивают более адекватное восприятие и понимание как первичных источников права, так и общего права США.

Знание и умение пользоваться вторичными источниками права позволяет видеть тенденции развития права в США, судить о правовой политике государства и общества, сопоставлять доктрину и практику правоприменения, знакомиться с передовыми идеями в правовой сфере.

Таким образом, вторичные источники права в США являются вспомогательным инструментарием для правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Прибегают к этому инструментарию в случаях, когда:

а) отсутствуют первичные источники права;

б) существует пробел в праве;

в) необходимо уяснить будущую или действующую норму, оттолкнуться от практики;

г) важно учесть мнение судебных органов иных штатов;

д) необходимо получить дополнительные аргументы для доказательства собственной позиции;

е) важно опереться на научную доктрину;

ж) есть необходимость найти всю судебную практику по обсуждаемому вопросу.

И в завершение хочется подчеркнуть роль и позицию в подготовке вторичных источников права юридических общественных некоммерческих организаций. Органы государственной власти не принимают участия в разработке, обсуждении и опубликовании вторичных источников права, все вторичные источники подготовлены юридической общественностью. Понятно, что большинство организаций и авторов, которые участвуют в подготовке вторичных источников права, получают уважение своих коллег и повышают свой авторитет среди них. В целом подготовка вторичных источников ведется юристами на общественных началах, не считая, конечно, тех случаев,

[36] Gene M. Grossman, Henrik Horn and Petros C. Mavroidis «The Legal and Economic Principles of World Trade Law: National Treatment» https://www.ali.org/publications/show/legal-and-economic-principles-world-trade-law/

когда они работают на издательства или справочные правовые системы. Но важно то, что само юридическое сообщество активно пытается собственными силами разрешить проблемы, возникающие в правовой системе США, а также коллективно предлагает пути решения сложных правовых вопросов. ■

Пристатейный библиографический список

- Акчурин Т. Ф. Словарь по сравнительному правоведению. — М.: Орбита-М, 2015.
- Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. — М.: Норма, 1997.
- Власихин В. А. Основные черты правовой системы США // Россия и Америка в XXI веке, № 3, 2007.
- Гарашко А. Ю. Особенности систем источников права в романо-германской и англо-американской правовых семьях / А. Ю. Гарашко // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.). — Пермь: Меркурий, 2012.
- Зайчук О. В. Правовая система США. — Киев, Наукова Думка, 1992.
- Лафитский В. И. Конституции в правовой системе США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения: Четвертый выпуск. № 7, 2006.
- Лафитский В. И. Конституционный строй США. — 2-е изд., перераб., доп. — М.: Статут, 2011.
- Марченко М. Н. Законы в системе англосаксонского права // Вести. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. — № 5. — С. 69 – 84,
- Марченко М. Н. Основные источники англосаксонского права: понятие, прецедент // Вести. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. — № 4. — С. 26-41,
- Петрова Е. А. Статуты и прецеденты в системе источников американского права: Монография / Е. А. Петрова. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007.
- Фридмэн Л. М. Введение в американское право. Перевод с английского / Под ред.: Калантарова М.; Пер.: Седун Г.: Прогресс-Универс, 1993.
- Чудаков М. Ф. Конституционное право США: основные институты. с Минск: Тесей, 2003.
- Шумилов В. М. Правовая система США. — 3-е изд. – М. Международные отношения, 2013.
- An Introduction to the Law of the United States / editors and authors. Alain A. Levasseur and John S. Baker. University Press of America, 4720 Boston Way Lanham, Maryland 20706, 1992.
- Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. — St. Paul, Minn: West Publishing Co, 3d ed., 2002.
- Calvi J.V., Coleman S. American Law and Legal Systems. 4th ed. — New Jersey, 2000.
- Case citations to the Restatement of the Law Cumulative Annual Supplement. For Use In 2014. Reporting Cases Through June 2013 That Cite (This Supplement contains all citations to the Restatement of the Law Second, Foreign Relations Law of the United States, and the Restatement of the Law Third, The Foreign Relations Law of the United States. For subsequent citations, see also the Interim Case Citations to the Restatements and Principles of the Law pamphlets designated for use with the 2014 Pocket Parts and Supplements)/Publications Director: Marianne McGettigan Walker/The American Law Institute, 402.5 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2014.
- Farnsworth E. A. An Introduction to the Legal System of the United States. — Oceana Publications, Inc., 1963.
- Fine T.M. American Legal Systems: A Resource and Reference Guide. Cincinnati, 1997.
- Gene M. Grossman, Henrik Horn and Petros C. Mavroidis «The Legal and Economic Principles of World Trade Law: National Treatment» — https://www.ali.org/publications/show/legal-and-economic-principles
- Hufbauer, Gary Clyde; Mitrokostas, Nicholas K. (2004). International Implications of the Alien Tort Statute. 16 St. Thomas L. Rev.
- Jefferson B. Fordham, J. Russel Leach. «Interpretation of Statutes in Derogation of the Common Law». Vanderbilt Law Review. 1950, vol. 3.
- Kevin Werbach. The Supreme Court's Use of Dictionaries in Statutory and Constitutional Interpretations//Harvard Law Review. April, 1994.
- Law of the United States: An overview / by Peter Hay. - Munchen: Beck, 2002 (Jurisrische Kurz-Lehrbucher).

Lawrence M. Friedman, American Law: An Introduction, N.Y, 1984.

- McGregor D.B., Adams C.M. The International Lawyer s Guide to Legal Analysis and Communication in the US - Wolters Kluwer, Aspen Publishers, 2008.
- Pratt D. Legal Writing: A Systematic Approach. St Paul, 1999.

The Alien Tort Claims Act: an analytical anthology / editors, Ralph G. Steinhardt and Anthony D' Amato. Transnational Publishers, Inc, Ardsley, New York, 1999.

Интернет-ресурсы

- HeinOnline http://home.heinonline.org/
- http://columbialawreview.org/
- http://harvardlawreview.org/
- http://martindale.com/.
- http://uniformlaws.org/
- http://www.stanfordlawreview.org/
- http://legalsolutions.thomsonreuters.com/law-products/westlaw-legal-research/

Нормативно-правовые акты и прецеденты использованный в работе:

- Alien Tort Statute (ATS) (28 U.S.C. § 1350).
- Commissioner v. Soliman, 113 S. Ct. 701, 706 (1993).
- Daubert v. Merrell Dow Pharmeceuticals, Inc., 113 S. Ct. 2786, 2795 (1993).
- Donovan v. RRL Corp., 27 P.3d 702 (Cal. 2001).
- Erie Railroad Co. v. Tompkins (1938).
- Filártiga v. Peña-Irala, 630 F.2d 876 (2d Cir. 1980).
- Hartford Fire Ins. Co. v. California, 113 S. Ct. 2891, 2901 (1993).
- Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co., 133 S.Ct. 1659 (2013).
- Richetta v. Stanley Fastening Systems, PICS Case No. 09-1561 (E.D. Pa. Aug. 21, 2009).
- Sosa v. Alvarez-Machain, 542 U.S. 692 (2004).

TAGS: Американская правовая система, Конституция США, вторичные источники права, судебные решения.

Тимур Фагмиевич Акчурин,
доцент кафедры государства и права Дипломатической Академии МИД РФ

Annotation:

There are secondary sources of law in the American legal system. Content and application are sufficiently complexly and insufficiently studied by their hierarchy within domestic science. The unique combination of the constitution, statutes, equitable and common law enforcer poses various questions, requiring an adequate perception and understanding within the US legal system. It adds complexity in the perception of the combination of the sources of law in the American legal system, different legal systems: federal and state legal systems. Secondary sources of law submit a deeper understanding of the American law essence , and propose the certain gaps in the legal system that is more effective application of the rule of law in the United States.

The article examines the nature, the essence, the role and place of secondary sources of American law in the American legal system, as well as specific types and importance of secondary sources of law. ■

Timur F. Akchurin,
Associate Professor of State and Law of the Russian Foreign Ministry Diplomatic Academy

Аннотация:

В американской правовой системе существуют вторичные источники права. По своей иерархии, содержанию и применению они в достаточной степени сложны и малоизучены отечественной наукой. В американской правовой системе уникальное сочетание Конституции, статутов, права справедливости и общего права ставит перед правоприменителем различные вопросы, требующие адекватного восприятия и понимания. Добавляет сложности в восприятии источников права сочетание в американской правовой системе различных правовых систем: федеральной и правовых систем штатов. Вторичные источники права позволяют глубже понять суть американского права и разрешить определенные пробелы в правовой системе, что служит более эффективному применению правовых норм на территории США.

В статье анализируются природа, сущность, роль и место вторичных источников американского права в американской правовой системе, а также, конкретные виды вторичных источников права, их роль и значение. ■

Источник фото:
pixabuy.com

Пиратство как составляющая морского терроризма:

правовые проблемы обеспечения безопасности морских перевозок (на примере законодательства КНР)

Piracy as a component of Maritime terrorism: legal problems of safety of Maritime transport (example of the law of the PRC)

Одна из специфических черт современного пиратства заключается в том, что начиная с XXI века пиратская деятельность в Юго-Восточной Азии превратилась в хорошо организованные нападения на гражданские суда в сговоре с террористами.

В то же время число пиратских нападений уменьшилось вследствие хорошо скоординированных совместных усилий азиатских стран в их борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов[1].

Статистическая информация по актам пиратства и вооруженного разбоя, а также наиболее опасным для международного судоходства районам Мирового океана публикуется в Ежегодных отчетах ИМО, Международного морского бюро (далее — ММБ) и его регионального офиса, Регионального центра по пиратству (The Regional Piracy Centre — RPC)[2].

С 1991 года Международное морское бюро публикует ежегодные доклады, в которых приводятся обобщенные сведения о нападениях пиратов на пассажирские и торговые суда, главным образом у побережья Нигерии и в водах Сомали, а также в Южной Америке, Бангладеш, Южно-Китайском море, Сингапурском заливе. По данным ММБ, с января по март 2010 года сомалийские пираты совершили 35 нападений, а за тот же период 2009 года таких нападений было 102. В первом квартале 2010 года пираты Сомали высаживались на 26 судов, обстреляли 18 и похитили 11 судов, взяли в заложники 194 моряка, из которых 12 были ранены при захвате. Всего же за 2010 год было зафиксировано 445 пиратских атак (включая

и случаи вооруженного разбоя), в 2011 году — 439, в 2012 году — 300[3].

В первом квартале 2014 года в мире было зафиксировано 49 случаев морского пиратства. Данный показатель находится на самом низком уровне с 2007 года, когда была отмечена 41 атака. В отчете ММБ отмечается, что указанные инциденты носили различный характер. Так, в двух случаях суда были угнаны, в пяти случаях применялось огнестрельное оружие, отмечено 37 случаев, когда нападавшим удалось подняться на борт. 46 человек из состава экипажа были захвачены в заложники на короткие сроки, двое были похищены и увезены с судов[4].

В частности, за 10 месяцев 2015 года по всему миру было зафиксировано 190 сообщений о подобных инцидентах (по состоянию на 5 октября 2015 года). По состоянию на 6 марта 2016 года за январь-февраль текущего года было совершено 20 аналогичных нападений[5].

В частности, в уголовном законодательстве КНР отсутствует специальная норма, которая определяла бы конкретно действия пиратства. Однако охватываемые этим понятием преступные акты могут квалифицироваться

[1] Ма Цзинхун, Цюй Бо. Особенности пиратства в Юго-Восточной Азии в XXI веке и меры противодействия // Журнал Ляонинского университета. Серия «Философия и социальные науки». — 2011. — Выпуск 2. — С. 144-150 (на кит.).

[2] Mukundan P. Piracy and armed attacks against vessels today // The Journal of International Maritime Law. — 2004. — Vol. 10. — P. 314.

[3] Статистика по нападениям морских пиратов. Справка. — URL: http://ria.ru/spravka/20100522/236946361.html#ixzz427NAet5J

[4] Там же.

[5] IMB Piracy Reporting Centre. — URL: https://www.icc-ccs.org/piracy-reporting-centre/live-piracy-report

как: умышленное причинение вреда здоровью; умышленное убийство; грабеж; разбой; умышленное уничтожение имущества; вымогательство; похищение человека; незаконное лишение свободы; угон воздушного судна; угон водного транспорта; насилие по отношению к лицам, находящимся на борту совершающего полет воздушного транспорта, создавшее угрозу безопасности полета; приведение в негодность транспортных средств и др.[6]

Повышенная общественная опасность указанных незаконных действий объясняется тем, что они совершаются при таких обстоятельствах, когда у государства существует меньше возможностей для оказания помощи и защиты потерпевшим, а у преступников — больше шансов уйти от уголовной ответственности[7]. В последние годы дела о пиратстве или дела о похищенных товарах в Китае приравниваются к грабежу или убийству и наказываются сроком до 10 лет.

Дело в том, что в последнее время участились насильственные террористические инциденты на море, включая пиратство, вооруженный разбой и террористические атаки, представляющие серьезную угрозу для китайского и международного морского транспорта. Это создает серьезные проблемы для достижения стратегии «Морского Шелкового пути»[8].

Известно, что стратегия «один ремень, одна дорога» является важной стратегией для реализации великого возрождения китайской нации. Морская безопасность занимает важное место в этой стратегии. В частности, с точки зрения Ли Вэйхая, для защиты морских перевозок от насилия в море может быть предпринят ряд конкретных мер. Одним из примеров являются оборонительные меры против сомалийских пиратов. Наем вооруженной охраны из профессиональных охранных компаний на борту судна представляет собой эффективную модель обеспечения безопасности на море. Такая модель не только соответствует стандартам международного права, но и законодательно разрешена во многих развитых странах и регионах и, таким образом, имеет стратегическое значение в обеспечении общей китайской морской безопасности[9].

Практика противодействия и борьбы с пиратством свидетельствует, что наиболее эффективным средством такой борьбы служат военно-морские силы. В частности, необходимо на постоянной основе предоставлять для гражданских судов эскорт из военных кораблей (или самолетов). Уже упоминавшийся китайский автор Ли Вэйхай считает, что это может явиться существенным фактором в деле построения оптимальной модели китайской морской безопасности в целях обеспечения реализации основных китайских морских интересов[10].

С 26 декабря 2008 года Китай начал отправлять военные корабли сопровождения в Аденский залив к побережью Сомали, где в течение 2009 года силами 21 военного корабля (из которых 8 китайских и 13 иностранных судов), были защищены 15 судов от нападения морских пиратов[11]. В настоящее время китайские военно-морские силы постоянно патрулируют морское пространство в районе Сомали и в любое время могут вступить в конфронтацию с пиратами для того, чтобы легитимно и эффективно распорядиться судьбой пиратов, которые могут быть захвачены.

Что касается ответственности за пиратство как за преступление, то правоведы и специалисты считают, что в системе действующего международного права ответственность за пиратство может осуществляться двояким образом. Во-первых, это может быть наказание за пиратство согласно нормам морских конвенций, которое осуществляют все государства. Во-вторых, это может быть наказание, выходящее за пределы норм морских конвенций, которое осуществляет каждая страна в отдельности[12].

Кроме того, ученые и специалисты полагают, что в уголовном праве Китая отсутствует понятие пиратства как преступления, а также нет других статей, которые бы включали бы в себя понятие пиратства в том виде, в каком оно присутствует в международном праве. Если выносить решения о наказании за пиратство на основании аналогичных статей, то это негативно скажется на китайском праве. В связи с этим предлагается в уголовном праве Китая ввести понятие пиратства[13].

Согласно китайскому законодательству преступления, подпадающие под действие международного уголовного права, в соответствую-

[6] Лю Фан, Чу Бо. Уголовное наказание за пиратство // Правовая система и экономика. — 2009. — № 2 (на кит.).

[7] Го Юцюань. Как определить пиратские действия в уголовном законе КНР? // Ежедневная газета прокуратуры. — 23.01.2009 (3) (на кит.)

[8] Ли Вэйхай. Модель безопасности и правовые гарантии китайских морских перевозок: на примере ответа на действия пиратов вдоль Морского Шелкового пути в 21 веке // Социальные науки в Китае. — 2015. — № 6 (на кит).

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Чжоу Бин. Поиск и спасание на море: Китай ищет новые решения // Правовая ежедневная газета. — 12.01.2010. — URL: www.legaldaily.com.cn/bm/content/2010-01/12/content_2021072.htm?node=20734 (на кит.).

[12] Чжан Сянлан, Чжэн Лы. Правовые проблемы по борьбе с пиратством за границей // Вестник технологического университета (город Ухань). — 2009. — № 3. — С. 52-57 (на кит.).

[13] Хуан Ли. Взаимодействия между уголовным законодательством КНР и международном уголовном правом: преступления пиратства в качестве образца // Журнал правовой науки. — 2009. — № 4 (на кит.).

щем китайском законе отдельно не оговариваются, а рассматриваются как преступления, ответственность за которые наступает по китайскому законодательству. То есть здесь Китай пошел по пути Японии и России, и автор данной публикации считает, что это — правильный путь[14].

Что касается конкретной статьи в законе, то автор предлагает поступить по примеру ст. 120 Уголовного Кодекса КНР, в которой в общем виде оговаривается ответственность за организацию, руководство и участие в террористических группировках. Думается, что при этом нет необходимости оговаривать детали[15]. Основной идеей законодательной нормы по вопросам пиратства должна быть ее максимальная обобщенность, чтобы, с одной стороны, идти в ногу со временем, а с другой, — обеспечить большую гибкость[16].

В то же время, отмечает Ли Вэйхай, в китайском контексте предлагаемая модель безопасности сталкивается с собственными правовыми рисками. Он пишет о том, что «мы должны применить новый подход к законодательному обеспечению национальной безопасности, имея в виду, прежде всего, усиление правовых гарантий, а также приложить согласованные усилия в рассматриваемой сфере»[17].

Многие правоведы и специалисты считают, что при усилении возможностей военно-морского флота в сфере противодействия различного рода угрозам и выполнения различных военных задач, правовая основа является одним из важнейших моментов. В связи с этим было выдвинуто требование о необходимости правового обоснования военной охраны пассажирских и торговых судов от пиратов, принятия решительных и действенных мер по спасению экипажей и пассажиров таких судов в случае пиратского нападения, а также широкого межгосударственного сотрудничества в борьбе с пиратством.

Необходимо определить правовой порядок сопровождения пассажирских и торговых судов военными судами в целях борьбы с пиратством. Но, прежде всего, необходимо решить три юридические проблемы, существующие при сопровождении военными судами:

- ограниченность применения закона влияет на эффективность международного сотрудничества в сфере борьбы с пиратством;
- существующие недостатки в законе препятствуют оперативно проводить военные операций;
- военные операции в рассматриваемой области сами по себе порождают много новых вопросов, которые всем сторонам необходимо изучать и решать[18].

Кроме того, была выдвинута резолюция Совета Безопасности ООН, придавшая новый импульс для развития трактовки ответственности за пиратство и соответствующих разделов международного права. С территориальной точки зрения, территориальные воды также включаются в зону борьбы с пиратством; расширены рамки закона по борьбе с пиратством; добавлены положения об осуществлении борьбы с пиратством и о конкретных мерах по пресечению пиратства[19].

Существуют вопросы международного права, касающиеся военного сопровождения судов и требующие скорейшего разрешения. В качестве примера целесообразно привести недостатки норм международного уголовного права и несоответствие международного права и уголовного права отдельных стран. Пиратство как преступление пока еще не входит в перечень преступлений, рассматриваемых Международным уголовным судом (МУС).

Что касается законодательства КНР в этой области, то следует выдвинуть предложение, согласно

[14] Цао Липин. Правовые проблемы обеспечения безопасности морских перевозок от преступных посягательств пиратов // Современное право. — 2011. — № 4. — С. 147.

[15] Там же.

[16] Ван Чжэнь. Пиратство и его правовые проблемы в китайском законодательстве // Вестник педагогического университета провинции Цзилинь. — 2009. — № 1. — С. 14-17 (на кит.).

[17] Ли Вэйхай. Модель безопасности и правовые гарантии китайских морских перевозок: на примере ответа на действия пиратов вдоль Морского Шелкового пути в 21 веке // Социальные науки в Китае. — 2015. — № 6 (на кит).

[18] Син Гуанмы. Правовые проблемы по борьбе с пиратством в военно-морской сфере // Вестник Института политологии (город Сиань). — 2009. — № 2 (на кит.).

[19] Лу Фанхуа. Пиратство в Сомали с позиций международного права // Вестник китайской Академии социальных наук для аспирантуры. — 2009 (3). — С. 74-80 (на кит.).

которому китайское уголовное право должно быть приведено в соответствие с международным уголовным правом в плане территориальных рамок применения наказания за пиратство[20]. В частности, предлагается даже использовать в данном контексте нетрадиционные концепции морской безопасности, которые, с точки зрения китайского автора Яна Эрпэна, позволяют трансформировать подходы уголовной юриспруденции к традиционной безопасности в доктрине всеобщего уголовного права[21].

Необходимо особо отметить, что некоторые правоведы и специалисты, говоря о проблеме военного сопровождения судов при отсутствии военных действий, предлагают специально разработать Закон «О действиях военного флота во внешних водах». И, кроме того, выдвигают идею создания системы взаимодействия военных флотов в рамках международного права[22].

Необходимо заметить, что региональное сотрудничество между государствами играет важную роль в решении проблемы пиратства и вооруженного разбоя против судов, о чем свидетельствует успех региональной операции по борьбе с пиратством в Малаккском проливе и Сингапуре. Соглашение о региональном сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии (RECAAP), которое было заключено в ноябре 2004 года между 16 странами Азии, включающее в себя работу Центра по обмену информацией (ISC) для содействия обмену информацией о пиратской активности, является хорошим примером успешного регионального сотрудничества, которое ИМО стремится повторить в других местах[23].

Вступление в силу регионального Соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии (далее — Соглашение) имеет серьезное последствия для международных отношений, а также для применения суровых мер по борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в этом регионе[24].

Однако, с точки зрения некоторых китайских авторов, указанное Соглашение по-прежнему нельзя признать адекватно отражающим сущность и содержание таких ключевых понятий, каким являются «пиратство» и «вооруженный разбой против судов». Кроме того, еще нуждаются в детальном уточнении положения Соглашения о соответствующих механизмах сотрудничества[25].

Так, китайский автор Цзян Вэй в своей публикации выдвигает тезис о необходимости создания механизма правового сотрудничества Китая и АСЕАН в области безопасности морского судоходства. Он предлагает взять за основу Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года и Соглашение о сотрудничестве в сфере борьбы с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии 2004 года с тем, чтобы более четко обозначить ключевую цель правового сотрудничества в области безопасности морского судоходства, осуществляемого в Юго-Восточной Азии. Цзян Вэй акцентирует внимание на том важном обстоятельстве, что создание и развитие правового механизма сотрудничества Китая и АСЕАН в сфере безопасности морского судоходства

[20] Юи Фумин. Международные действия по борьбе с пиратством и его уголовная юрисдикция // Ежедневная газета прокуратуры. — 29.06.2009 (3) (на кит.).

[21] Ян Эрпэн. Нетрадиционные концепции морской безопасности, преступности и уголовное право Китая // Вестник университета провинции Цзянсу. — 2014. — № 4 (на кит.).

[22] Го Шу. Правовые основы китайских военно-морских операций по сопровождению торговых и гражданских судов в водах Сомали и его значение // Форум сегодняшнего Китая. — 2009. — № 1 (на кит.).

[23] Всемирный день моря — Мир против пиратства. 29 сентября 2011 г. — URL: http://libymax.ru/?p=33209

[24] Ян Цуйбай. Оценка регионального соглашения о сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии // Дела Юго-Восточной Азии. — 2006. — № 4 (на кит.).

[25] Ма Цзинхун, Цюй Бо. Особенности пиратства в Юго-Восточной Азии в XXI веке и меры противодействия // Журнал Ляонинского университета. Серия «Философия и социальные науки». — 2011. — Выпуск 2. — С. 144-150 (на кит.).

должны осуществляться с учетом имеющихся недостатков в Конвенции и Соглашении. Указанный автор уверен в том, что с преступлениями, совершаемыми в водах Юго-Восточной Азии, можно и нужно вести активную борьбу, которая будет направлена на обеспечение безопасности морского судоходства Китая и АСЕАН. В частности, в качестве эффективных средств он считает военную разведку и сопровождение гражданских судов при помощи эскорта из военных судов в целях защиты первых, а также поимки морских пиратов[26].

В частности, страны, граничащие с Южным морем, разработали правовую систему морской безопасности, которая, по мнению китайского автора Ли Цзяньсюня, имеет некоторую эффективность. Однако не обладающие обязательной юридической силой юридические документы, относящиеся к так называемому «мягкому праву», в свою очередь, порождают неоднозначность указанной системы. Эта неоднозначность затрудняет четкую детерминацию прав и обязанностей Сторон, не лучшим образом сказывается на независимости правового механизма и не в состоянии гарантировать эффективность данной системы.

В настоящий момент указанные ранее страны должны решить серьезную задачу: создать соответствующую правовую систему для взаимовыгодного сотрудничества, которая бы включала в себя «мягкие» и «жесткие» законы, обладала идеальным сочетанием внутренних компонентов в целях содействия эффективному обеспечению безопасности в Южно-Китайском море[27].

В заключение этой публикации, исходя из совокупности изложенного ранее, можно сформулировать вывод обобщающего характера, согласно которому пиратство как крайне негативный социальный феномен, являясь одной из составляющих морского терроризма, в настоящее время представляет собой глобальную угрозу. Все мировое сообщество должно объединить свои усилия для решительного и бескомпромиссного противостояния ему, взяв на вооружение стратегию, нацеленную на реализацию эффективных превентивных мер, безопасность и неукоснительное соблюдение норм международного права. ■

[26] Цзян Вэй. Разведка в рамках правового сотрудничества Китая и АСЕАН в области безопасности морского судоходства // Вокруг Юго-Восточной Азии. — 2014. — № 4 (на кит.).

[27] Ли Цзяньсюнь. Уроки правовой системы для обеспечения безопасности в Южно-Китайском море для «21-го века Морского Шелкового пути» // Тихоокеанский журнал. — 2015. — Вып. 5. — С. 68-77 (на кит.).

Литература

• IMB Piracy Reporting Centre. — URL: https://www.icc-ccs.org/piracy-reporting-centre/live-piracy-report

Mukundan P. Piracy and armed attacks against vessels today // The Journal of International Maritime Law. — 2004. — Vol. 10. — P. 314.

• Ван Чжэнь. Пиратство и его правовые проблемы в китайском законодательстве // Вестник педагогического университета провинции Цзилинь. — 2009. — № 1. — С. 14-17 (на кит.).

• Всемирный день моря — Мир против пиратства. 29 сентября 2011 г. — URL: http://libymax.ru/?p=33209

• Го Шу. Правовые основы китайских военно-морских операций по сопровождению торговых и гражданских судов в водах Сомали и его значение // Форум сегодняшнего Китая. — 2009. — № 1 (на кит.).

• Го Юцюань. Как определить пиратские действия в уголовном законе КНР? // Ежедневная газета прокуратуры. — 23.01.2009 (3) (на кит.);

• Ли Цзяньсюнь. Уроки правовой системы для обеспечения безопасности в Южно-Китайском море для «21-го века Морского Шелкового пути» // Тихоокеанский журнал. — 2015. — Вып. 5. — С. 68-77 (на кит.).

• Ли Вэйхай. Модель безопасности и правовые гарантии китайских морских перевозок: на примере ответа на действия пиратов вдоль Морского Шелкового пути в 21 веке // Социальные науки в Китае. — 2015. — № 6 (на кит).

• Лу Фанхуа. Пиратство в Сомали с позиций международного права // Вестник китайской Академии социальных наук для аспирантуры. — 2009 (3). — С. 74-80 (на кит.).

• Лю Фан, Чу Бо. Уголовное наказание за пиратство // Правовая система и экономика. — 2009. — № 2 (на кит.).

• Ма Цзинхун, Цюй Бо. Особенности пиратства в Юго-Восточной Азии в XXI веке и меры противодействия // Журнал Ляонинского университета. Серия «Философия и социальные науки». — 2011. — Выпуск 2. — С. 144-150 (на кит.).

• Син Гуанмы. Правовые проблемы по борьбе с пиратством в военно-морской сфере // Вестник Института политологии (город Сиань). — 2009. — № 2 (на кит.).

• Статистика о морских пиратах. 5 июня 2014 г. — URL: http://iv-g.livejournal.com/1045815.html

• Статистика по нападениям морских пиратов. Справка. — URL: http://ria.ru/spravka/20100522/236946361.html#ixzz427NAet5J

• Хуан Ли. Взаимодействия между уголовным законодательством КНР и международном уголовном правом: преступления пиратства в качестве образца // Журнал правовой науки. — 2009. — № 4 (на кит.).

• Цао Липин. Правовые проблемы обеспечения безопасности морских перевозок от преступных посягательств пиратов // Современное право. — 2011. — № 4. — С. 147.

• Цзян Вэй. Разведка в рамках правового сотрудничества Китая и АСЕАН в области безопасности морского судоходства // Вокруг Юго-Восточной Азии. — 2014. — № 4 (на кит.).

• Чжан Сянлан, Чжэн Лы. Правовые проблемы по борьбе с пиратством за границей // Вестник технологического университета (город Ухань). — 2009. — № 3. — С. 52-57 (на кит.).

• Чжоу Бин. Поиск и спасание на море: Китай ищет новые решения // Правовая ежедневная газета. — 12.01.2010. — URL: www.legaldaily.com.cn/bm/content/2010-01/12/content_2021072.htm?node=20734 (на кит.).

• Юи Фумин. Международные действия по борьбе с пиратством и его уголовная юрисдикция // Ежедневная газета прокуратуры. — 29.06.2009 (3) (на кит.).

• Ян Цуйбай. Оценка регионального соглашения о сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии // Дела Юго-Восточной Азии. — 2006. — № 4 (на кит.).

• Ян Эрпэн. Нетрадиционные концепции морской безопасности, преступности и уголовное право Китая // Вестник университета провинции Цзянсу. — 2014. — № 4 (на кит.).

TAGS: законодательство, морские перевозки, безопасность, преступление, морской терроризм, пиратство, пираты.

Цао Липин,
доцент, кандидат юридических наук,
Ганьсу, Институт политологии
и права (КНР)

Annotation:

This article discusses key aspects of relevant problems of ensuring Maritime transport safety and security against criminal attacks of the pirates. Special attention is paid to qualification of such crimes and counteraction to them in domestic penal legislation of the PRC. ■

Cao Liping,
assistant professor, candidate of law, Gansu Institute of Political Science and law (PRC)

Аннотация:

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты актуальной проблемы обеспечения безопасности морских перевозок от преступных нападений пиратов. Особое внимание уделяется вопросам квалификации таких преступлений и противодействия им в национальном уголовном законодательстве КНР. ■

Источник фото:
pixabuy.com

Правовая природа типового двустороннего инвестиционного договора Российской Федерации

Legal basis of the bilateral investment model treaty of the Russian Federation

Типовые соглашения по своей сути являются примерной формой для двусторонних инвестиционных договоров. Однако условия двусторонних инвестиционных договоров, заключенных с различными государствами даже на основе типового соглашения, достаточно часто различаются.

При заключении двусторонних инвестиционных договоров Россия до 2001 года руководствовалась типовым соглашением, утвержденным постановлением Правительства РФ от 11 июня 1992 года № 395 (в ред. постановления Правительства РФ от 26 июня 1995 года № 625)[1]. В настоящее время в нашей стране действует новая модель типового соглашения, утвержденная Постановлением Правительства от 9 июня 2001 года № 456[2]. Указанное соглашение учитывает требования ВТО, в него дважды вносились изменения постановлениями Правительства РФ — от 11 апреля 2002 года № 229[3] и от 17 декабря 2010 года № 1037[4].

Типовые соглашения по своей сути являются примерной формой для двусторонних инвестиционных договоров. Однако условия двусторонних инвестиционных договоров, заключенных с различными государствами даже на основе типового соглашения, достаточно часто различаются. Это связано с тем, что заключению каждого двустороннего инвестиционного договора предшествуют переговоры двух государств. Согласованный в ходе этих переговоров текст договора отражает специфику двусторонних межгосударственных отношений.

Российская Федерация на сегодняшний день участвует в 74 соглашениях о поощрении и защите капиталовложений, из которых 13 были заключены в течение 1989-1990 годов Советским Союзом. Из этого числа соглашений до настоящего времени не ратифицированы и, соответственно, не действуют соглашения с Алжиром[5], Кипром[6], Нигерией[7], Польшей[8], Португалией[9], Словенией[10], США[11],

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 27. Ст. 2585.

[2] Собрание Законодательства Российской Федерации. 2001. № 25. Ст. 2578.

[3] Собрании законодательства Российской Федерации. 2002. № 15. Ст. 1445.

[4] Собрании законодательства Российской Федерации. 2010. № 52 (часть I). Ст. 7137.

[5] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Алжирской Народной Демократической Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 10 марта 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/966463D3885018D743257E7500489CCA (дата обращения - 06.08.2014).

[6] Соглашение между Правительством Республики Кипр и Правительством Российской Федерации о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 11 апреля 1997 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/C9BDD2291738CE0B43257E750048C730 (дата обращения - 10.07.2015).

[7] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Нигерия о взаимном поощрении и защите капиталовложений от 24 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/3F700179F4DF978A43257E7500489A5A (дата обращения - 10.07.2015).

[8] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 2 октября 1992 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_54142.html (дата обращения - 10.07.2015).

[9] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Португальской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 21 июля 1994 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/22399876DE13C20B43257E750048CDE2 (дата обращения — 10.07.2015).

[10] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Словения о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 8 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/D089D068C6E7EB5443257E7500489B53 (дата обращения - 10.07.2015).

[11] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о содействии капиталовложениям от 3 апреля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9.

Таджикистаном[12], Таиландом[13], Хорватией[14], Эквадором[15], Эфиопией[16].

В отношении соглашений с Кипром, Польшей, Хорватией и Эквадором Правительством РФ было предложено Государственной Думе РФ снять с рассмотрения вопрос о их ратификации в связи с несоответствием указанных соглашений реалиям сегодняшнего дня. Соответствующее постановление Государственной Думы было принято 21 мая 2008 года[17].

На официальном сайте министерства иностранных дел Российской Федерации содержится справочная информация о заключенных нашим государством двусторонних соглашениях о поощрении и взаимной защите капиталовложений[18]. В указанной справочной информации, в частности, отмечается, что после утверждения 11 апреля 2002 года новой модели российского типового соглашения был возобновлен переговорный процесс с зарубежными государствами по вопросу заключения ДИДов. В настоящее время «готовы к подписанию соглашения с Латвией (его подписание было заморожено по инициативе Госдумы в связи с проблемой русскоязычного населения в Латвии) и Марокко. Завершены переговоры по подписанию соглашений с Ираном, Намибией, Туркменистаном. Идут переговоры с Австралией, Азербайджаном, Бельгией и Люксембургом, Израилем, Малайзией, Мексикой, Мьянмой, Никарагуа, Перу, Румынией, Саудовской Аравией, Сингапуром, Тунисом. В перспективе предполагается проведение аналогичных переговоров с Австрией, Бразилией, Ганой, Исландией, Киргизией, ОАЭ, Оманом, Словакией, Финляндией, Чили»[19].

Как отмечается в той же справочной информации МИД РФ, переговоры по поводу заключения инвестиционных соглашений проходят непросто, поскольку необходимо найти такие решения, которые защитят наши экономические и политические интересы, будут учитывать специфику двусторонних отношений с каждой страной и не ухудшат инвестиционный климат страны.

В то же время анализ содержания действующего российского типового соглашения и двусторонних инвестиционных договоров, заключенных Российской Федерацией с рядом государств на основании этого соглашения, вызывают у автора статьи определенные опасения, связанные с недостаточным, на его взгляд, отражением в тексте соглашения интересов России как страны-импортера инвестиций.

Двусторонние инвестиционные договоры, заключенные Российской Федерацией после 2002 года, предусматривают возможность рассмотрения инвестиционных споров в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров, созданном в соответствии с Вашингтонской конвенцией 1965 года (МЦУИС), а также предоставляют иностранным инвесторам право самостоятельно выбрать орган по рассмотрению споров из тех, которые указаны в договоре. Такие положения содержатся в договорах, заключенных с Алжиром, Анголой, Арменией, Катаром, Китаем, Нигерией, Узбекистаном и др. Возможность рассмотрения инвестиционных споров в МЦУИС содержится и в некоторых договорах, заключенных до 2002 года. К числу таких договоров относятся договоры с США и Японией. Одновременно с этим некоторые договоры, заключенные примерно в тот же период времени с другими странами (КНДР, Таиланд, Словения и др.) не предоставляют инвесторам из этих стран возможности обратиться за разрешением инвестиционного спора в МЦУИС.

В результате складывается ситуация, при которой Россия приняла на себя разноплановые обязательства, касающиеся одного и того же вопроса — порядка разрешения споров между государством и иностранным инвестором. Эта ситуация на практике может привести к возникновению противоречий между отдельными международными договорами и к неблагоприятным последствиям для России как страны, принимающей иностранные инвестиции.

В настоящее время МЦУИС нельзя расценивать как справедливый, независимый и сбалансированный орган по разрешению инвестиционных споров, поскольку он защищает преимущественно права инвесторов. Вышеуказанные ДИДы создают потенциальную ситуацию, когда Россия может выступать в качестве ответчика в МЦУИС по искам иностранных инвесторов.

В качестве возражения этому аргументу кто-либо может заметить, что при заключении ДИДов Правительством России учитывается инвестиционный потенциал государств и их влияние на соответствующие секторы нашей экономики. Так, едва ли можно рассчитывать на приток в Россию крупных капиталовложений из таких стран, как Алжир, Ангола, Ливия, Нигерия, Узбекистан и т. п. Скорее, эти государства являются импортерами российских инвестиций. Однако не следует забывать, что механизм разрешения споров МЦУИС предусмотрен в договорах с такими странами, как США, Китай, Япония, инвесторы которых осуществляют крупные капиталовложения в экономику Российской Федерации. Насколько бы государство не старалось добросовестно исполнять принятые на себя обязательства, на практике полностью избежать разногласий и споров невозможно.

Озабоченность автора статьи по поводу деятельности международного инвестиционного арбитража разделяется также некоторыми зарубежными специалистами в области инвестиционного права. Например, профессор Гас Ван Хартен (Канада) выступает последовательным

[12] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о поощрении и взаимной защите инвестиций от 16 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/159BEF5C9D9DB73D43257E750048C8E1 (дата обращения — 10.07.2015).

[13] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Таиланд о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 17 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/0E9FCA2FD1805DB243257E750048994B (дата обращения — 10.07.2015).

[14] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватия о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 20 мая 1996 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3404 (дата обращения - 10.07.2015).

[15] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Эквадор о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 25 апреля 1996 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3408 (дата обращения - 10.07.2015).

[16] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопия о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 10 февраля 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/6F8B8A1AA533E9BA43257E7500489B01 (дата обращения — 10.07.2015).

[17] Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21.05.2008 г. о снятии с дальнейшего рассмотрения в связи с отклонением Президентом Российской Федерации Федерального закона «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о поощрении и взаимной защите капиталовложений» и Федерального закона «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр о поощрении и взаимной защите капиталовложений» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/57367/?sphrase_id=1810504 (дата обращения - 10.07.2015).

[18] Двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений (справочная информация) [Электронный ресурс]. – URL: http://archive.mid.ru//bdomp/Ns-dipecon.nsf/4d5db17578e45d4143256a0c003fb9a9/41a4ca949cf9487ec32575cc002ceeab!OpenDocument (дата обращения - 10.07.2015).

[19] Там же.

критиком двустороннего инвестиционного договора, заключенного между Канадой и Китаем. По его мнению, заключение указанного договора является наиболее важным событием, которое может негативно отразиться на суверенитете Канады, особенно его законодательной и судебной властях, из-за притока огромного количества китайских инвестиций в добывающий сектор экономики Канады. В одной из своих работ Гас Ван Хартен отмечает: «После того как договор вступит в силу, все нынешние и будущие китайские инвесторы смогут защищать свои права за пределами Канады в непрозрачных экстерриториальных судах, которые не являются справедливыми и независимыми, как внутренние суды»[20].

Двусторонние инвестиционные договоры, бесспорно, должны учитывать специфику отношений с каждой страной. Они не могут писаться под копирку, определенные условия этих договоров могут и должны различаться. В то же время, по мнению автора статьи, отличия могут касаться таких вопросов, как режим осуществления капиталовложений, льготы и преимущества, предоставляемые иностранному инвестору и т. п. Например, российское типовое соглашение применяется к капиталовложениям, осуществленным после вступления его в силу (ст. 11). Однако некоторые ДИДы содержат в этой части условия, отличающиеся от типового соглашения. Так, договор с Великобританией применяется ко всем капиталовложениям, осуществленным до или после его вступления в силу (ст. 12); договор с Германией действует в отношении капиталовложений, которые были осуществлены инвесторами начиная с 25 октября 1955 года; договор с Грецией применяется ко всем капиталовложениям, осуществленным инвесторами начиная с 1 января 1976 года (ст. 7); договор с Австрией применяется ко всем капиталовложениям, которые были осуществлены с 1 января 1956 года или будут осуществлены после его вступления в силу (ст. 9) и т. д.

Однако что касается порядка разрешения споров между государством и иностранным инвестором, в этом случае для всех двусторонних инвестиционных договоров может и должен быть предусмотрен единый механизм разрешения инвестиционных споров. Автор статьи исходит из того, что все инвесторы, независимо от государственной принадлежности, должны иметь равный доступ к открытой и независимой судебной системе для разрешения споров, включая споры с правительством принимающего инвестиции государства. Для достижения этой цели государство должно развивать и укреплять свою систему внутреннего правосудия, отвечающую требованиям открытости и независимости, а также принципам справедливости и верховенства закона в интересах всех граждан и юридических лиц, в том числе иностранных инвесторов. Международные организации и международное бизнес-сообщество, в свою очередь, должны воздерживаться от продвижения международного инвестиционного арбитража. Вместо этого они должны стремиться к урегулированию споров в духе сотрудничества и обращаться к судебным процедурам только в крайнем случае.

Использование инвестиционного арбитража для защиты прав иностранных инвесторов не должно рас-

[20] Van Harten G. Why rush Canada-China investment deal? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.torontosun.com/2012/10/16/why-rush-canada-china-investment-deal (дата обращения - 10.08.2015).

сматриваться как самоцель, а должно учитывать общественные интересы. Механизм инвестиционного арбитража может представлять серьезную угрозу для способности правительства принимать решения в интересах общества в случае, например, изменения социальной, экономической или экологической ситуации в стране в связи с осуществлением иностранных капиталовложений.

Автор статьи полагает, что предусмотренный большинством договоров, заключенных на основе прежней редакцией типового соглашения, механизм разрешения инвестиционных споров, согласно которому спор передаётся в компетентный суд или арбитраж Договаривающейся Стороны, на территории которой осуществлены капиталовложения, или в арбитражный суд ad hoc в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), является более предпочтительным для нашего государства.

Следует задуматься о необходимости начала работы по изменению ст. 8 типового соглашения Российской Федерации в части, предусматривающей возможность разрешения инвестиционных споров в МЦУИС, а также по пересмотру уже заключенных двусторонних инвестиционных договоров в свете высказанной озабоченности, чтобы заменить или ограничить использование международного инвестиционного арбитража. ■

Список литературы:

- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Алжирской Народной Демократической Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 10 марта 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/966463D3885018D743257E7500489CCA
- Соглашение между Правительством Республики Кипр и Правительством Российской Федерации о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 11 апреля 1997 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/C9BDD2291738CE0B43257E750048C730 .
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Нигерия о взаимном поощрении и защите капиталовложений от 24 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/3F700179F4DF978A43257E7500489A5A .
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 2 октября 1992 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_54142.html.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Португальской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 21 июля 1994 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/22399876DE13C20B43257E750048CDE2.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Словения о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 8 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/D089D068C6E7EB5443257E7500489B53.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о содействии капиталовложениям от 3 апреля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 9.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о поощрении и взаимной защите инвестиций от 16 апреля 1999 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/159BEF5C9D9DB73D43257E750048C8E1.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Таиланд о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 17 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/0E9FCA2FD1805DB243257E750048994B.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Хорватия о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 20 мая 1996 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3404.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Эквадор о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 25 апреля 1996 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://investmentpolicyhub.unctad.org/Download/TreatyFile/3408.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопия о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 10 февраля 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/6F8B8A1AA533E9BA43257E7500489B01.
- Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21.05.2008 г. о снятии с дальнейшего рассмотрения в связи с отклонением Президентом Российской Федерации Федерального закона «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о поощрении и взаимной защите капиталовложений» и Федерального закона «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр о поощрении и взаимной защите капиталовложений» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.duma.gov.ru/news/273/57367/?sphrase_id=1810504.
- Данельян А. А. Практика применения российского типового соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 1 (133). – С. 71-73.
- Данельян А. А. «Зонтичные оговорки» в двусторонних инвестиционных договорах // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 10 (130). – С. 103-108.
- Данельян А. А. Международно-правовые гарантии возмещения убытков в ходе осуществления иностранной инвестиционной деятельности // Аграрное и земельное право. – 2014. – № 3 (111). – С. 85-90.
- Данельян А. А. Иностранные инвестиции: некоторые аспекты взаимодействия международного и национального права // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 8 (39). – С. 57-60.
- Van Harten G. Why rush Canada-China investment deal? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.torontosun.com/2012/10/16/why-rush-canada-china-investment-deal.

TAGS: иностранные инвестиции, инвестиционный арбитраж, МЦУИС, типовое инвестиционное соглашение, ДИД.

Андрей Андреевич Данельян,
заведующий кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД РФ, кандидат юридических наук, доцент

Annotation:

In countries — exporters of investments made to develop model agreements on the encouragement and mutual protection of investments. The Russian Federation, despite the fact that the state is a predominantly importing investment, has developed its investment agreement model, consists of twelve articles. The article analyzes the practice of its application. ■

Andrey A. Danelyan,
Head of the Department of State and Law of the Diplomatic Academy of the Russian Federation, PhD, Associate Professor

Аннотация:

В государствах-экспортерах инвестиций принято разрабатывать типовые соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Российская Федерация, несмотря на то, что является преимущественно государством, импортирующим инвестиции, разработала свое типовое инвестиционное соглашение, состоящее из двенадцати статей. В статье анализируется практика его применения. ■

Источник фото:
pixabay.com

Bilateral investment treaties as a guarantee for investment relations

Двусторонние инвестиционные договоры как гарантия инвестиционных отношений

The use of bilateral investment treaties (BIT) to control investment relations aims to reach a range of goals. On the one hand, BIT are intended to attract as many foreign investors as possible granting them a whole set of various guarantees through the application of legal regimes.

On the other hand, BIT must help the state preserve its ability to perform its public tasks and functions and protect its own interests. Studying the practice of resolving disputes involving BIT, for example those where Russia acted as the defendant, provides an opportunity to assess the efficiency of Russian BIT in pursuing the aforementioned goals.

Academic literature provides different data as to the amount of BIT in the world[1]. But according to some credible sources some 169 states had signed over 1500 agreements of such sort by 1998[2]. In fact every developed state and over 90 developing states are parties to at least one such agreement[3]. Germany scores best in this respect with over 70 such agreements. It is narrowly followed by Russia with over 50 agreements[4].

One of the essential factors that led to a rapidly growing number of BIT was the strong desire of citizens and companies in an expanding range of developed states to make direct investments in other states and, in connection to this, the emerging necessity in a reliable international legal protection. Foreign investors could never rely solely on the laws of a capital importing state because that would increase investment risks. As it follows from historical experience, developing states are known to have altered their legislation after an investment had been made. In the 60-s and 70-s of the 20th century there were multiple instances of capital importing governments impeding investments or even seizing them.

Таманна Кала, Самарканд, Узбекистан

But the prime reason for making BIT in the 80-s and 90-s of the past century was that developing states were increasingly in need of foreign investment following a decrease in foreign aid from developing states. By concluding BIT with various capital exporting states developing economies and economies in transition initiated a massive attraction of capitals. This tendency is likely to continue in the 21st century.

Therefore, it is possible to infer from the examined material that BIT have proven to be a rather efficient mechanism for foreign investors to protect their interests. All cases in which a claimant was successful in proving his status as a foreign investor and whose deposits were recognized as investments having been lost as a result of the actions on the part of the capital importing state were eventually decided in favor of the claimant (investor). Using the mechanism of BIT-based litigation allows to strip the state of its privileged position as a sovereign public entity which significantly raises the chances of a foreign investor to win an arbitration case. The efficiency of BIT is indirectly verified by the fact that Russia, since the 2000-s, has been very careful about signing and ratifying such agreements. For instance, the BIT with Cyprus has not yet been ratified where most active are the agents seeking to avoid taxation in Russia making Russia reluctant to constrain itself in opposing dishonest participants of investment

[1] A.A. Danelyan, E.Z. Farhutdinov. International investment arbitration: Study guide. – M.: Saint Petersburg,. The Center for Humanitarian Initiatives, 2013 – p. 124

[2] Y. Ershov, N. Tsvetkov. We tried our best, you know the rest // Investment in Russia 2000.№2

[3] UNCTAD. World Investment Report 1998 trends and determinants. New York and Geneva. P. 83

[4] M.I. Khalil Treatment of Foreign Investment in Bilateral Investment Treaties // ICSID Review-Foreign Investment Law Journal. 1992. Vol. 7. P. 339.

agreements. There is no denying that this circumstance encourages growing investments from the states that Russia has already signed and ratified a respective BIT with.

However, it would do well to remember that in an overwhelming majority of cases investors failed to receive the amount they had requested in the complaint. In some cases the issued compensation did not even cover the litigation expenses. The amount of compensation paid by Russia in connection to the Yukos case was incommensurate to the dividends already received by the state and those to be received in the future from the assets of such a large oil company. All in all, a far-sighted approach in approving the content of a BIT allows to secure the ability of the state to perform its public tasks and functions granting it the opportunity to protect its own interests including through a considerable limitation of the competence of a corresponding arbitration body while deciding potential disputes and protecting the state from abusive claims of investors. The resolution on the case of Ros Invest CO UK Ltd v. The Russian Federation where the RNB resorted to arbitration to expand its jurisdiction for matters not directly provided for in a clause on dispute settlement between the foreign investor and the importing state in the BIT has not been solidified by a continuous and consistent practice and does not set a disadvantageous precedent for a capital importing state including Russia. However, in order to avoid potential troubles it is recommended, while signing a BIT on granting the most favored nation status, to insert such provisions into the body of the agreement specifying that the given regime is not applicable to procedural matters.

In summary, BIT between states regulating mutual encouragement and protection of investments are directed to ensure international legal protection from primarily non-commercial risks. The establishment of clear, accessible and feasible rules working toward a better investment climate and building confidence between states constitutes a vital booster for foreign investment. In order to attract foreign investments, states are not only required to encourage its companies to invest its financial resources into another state but also pay attention to inviting technology, know-hows, modern management and so on[5].

Studying foreign experience of the legal regulation of investment agreements is relevant due to the fact that it opens prospects for a deep examination of the nature of such agreements and allows to single out aspects that may be used to improve national legislation in this sphere.

One characteristic of the legal regulation of investment agreements in the Republic of Uzbekistan is that it is carried out at the level of bylaws.

[5] A.A. Danelyan, E.Z. Farhutdinov. International investment arbitration: Study guide. – M.: Saint Petersburg,. The Center for Humanitarian Initiatives, 2013 – p. 124

Верблюд, Ляби Хауз, Бухара, Узбекистан

Its fundamental source is the Regulation on the procedure for concluding and carrying out investment agreements approved by the resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, 2nd August, 2005, №180 "About additional measures for stimulation of attraction of direct private foreign investments" (hereafter — The Regulation, 2nd,August, 2005).

The legislation of the Republic of Uzbekistan regulating investment and the status of investors (the Law of the Republic of Uzbekistan, 30th, April, 1998, «On foreign investment», the Law of the Republic of Uzbekistan, 30th, April, 1998, «About guarantees and measures of protection of the rights of foreign investors», the Law of the Republic of Uzbekistan 24th, December, 1998, «On investment») does not contain norms pertaining to the regulation of investment agreements.

Paragraph 1 of Part 1 of The Regulation, 2nd,August, 2005 provides that investment agreements are concluded between the Cabinet of Ministers (the Government) of the Republic of Uzbekistan and a foreign investor if the latter is given guarantees and protective measures (reliefs and preferences) in addition to those established by the legislation.

Therefore, national investors are not eligible to act as a party to an investment agreement in the country under consideration. Foreign investors may enter into such agreements only when they are granted additional reliefs and preferences.

Paragraph 1 of Part 1 of the Regulation, 2nd, August, 2005, also states that this law has been designed in accordance with Article 4 of the Law of the Republic of Uzbeikstan «About guarantees and measures of protection of the rights of foreign investors». As mentioned above, this law does not contain any provisions regulating investment agreements.

The aforementioned article affirms that a foreign investor may be granted additional guarantees and protective measures. It also specifies the requirements and the procedures for claiming them.

Particularly, a foreign entity may be granted this kind of advantages while making an investment in: fields of high priority ensuring sustainable economic growth, progressive structural change in the state economy; high priority projects contributing to the strengthening and expansion of the export potential of the republic, its integration into the global economy; in small and medium-sized businesses processing raw and other

Мечеть Биби-Ханым — архитектурный памятник 1399—1404 годов в Самарканде

Мечеть Биби-Ханым — архитектурный памятник 1399—1404 годов в Самарканде

materials, producing consumer goods and services, improving employment among the population6 .

A similar but not identical list of investment directions allowing for the possibility to receive additional advantages by foreign investors is contained in Paragraph 2 of Part 1 of the Regulation 2nd,August, 2005.

As it follows from Paragraph[6] of Part 2 of the Regulation 2nd, August, 2005, additional guarantees and protective measures (reliefs and preferences) may include guarantees from the Government of the Republic of Uzbekistan , a special customs, tax and payment regime, state monitoring of project progress, assisting in funding investment projects, incorporation into the investment program or other measures under the legislation.

According to Article 4 of Part 4 of the Law of the Republic of Uzbekistan «About guarantees and measures of protection of the rights of foreign investors» additional guarantees and protective measures are granted to foreign investors through special decisions of the Government of the Republic of Uzbekistan.

It is worth noting that these benefits may be used either by a foreign investor himself or a legal entity using foreign investments established by that investor[7].

Therefore, considering the legal procedures of Part 1, Paragraph 1 of the Regulation 2nd, August, 2005 and Article 4 of the Law of the Republic of Uzbekistan «About guarantees and measures of protection of the rights of foreign investors» for an investment agreement to be concluded there need to be a special resolution by the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan as a prerequisite which will constitute the basis for a foreign investor to receive additional guarantees and protective measures (reliefs and preferences).

It is worth mentioning that under Part 1, Paragraph 6 of the Regulation 2nd, August, 2005, in case a foreign investor is granted additional benefits he is bound to make a contract which may be interpreted as an exception from the civil law principle of freedom to make contracts.

What is the purpose of making an investment agreement in the Republic of Uzbekistan? The answer is provided in Paragraph 3 of the Regulation 2nd, August, 2005, which states that an investment agreement is concluded to ensure that the obligations of a foreign investor receiving additional guarantees and protective measures are met.

Paragraph 5 of the Regulation 2nd, August, 2005 provides that an investment agreement is concluded between the Government of the Republic of Uzbekistan represented by the Ministry of foreign economic relations, investments and trade of the Republic of Uzbekistan and a foreign investor (investors). The literal interpretation of this law leads to believe that an investment agreement may have both two (including multiple entities on the investor's side) and three and more investors if several foreign investors are parties to the agreement as independent entities.

[6] Article 4 of Part 2 of the Law of the Republic of Uzbekistan «About guarantees and measures of protection of the rights of foreign investors»

[7] Paragraph 5, Clause 8 of the The Regulation on the procedure for concluding and carrying out investment agreements approved by the resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, August, 2, 2005, №180 «About additional measures for stimulation of attraction of direct private foreign investments»

Paragraph 1 of Part 7 of the Regulation 2nd, August, 2005 contains provisions obliging the sides to reach agreement (on essential terms) before the conclusion while Part 2 specifies the provisions that may be incorporated into the agreement.

Specifically, the obligations of an investor include ensuring the due amount of investment, production volume, a guaranteed degree of localization and quality of the product, the exports volume of own-produced goods and services and the payment of credits guaranteed by the Government of the Republic of Uzbekistan.

Additionally, paragraph 7 of the Regulation 2nd,August, 2005 contains conditions specifying time constraints imposed on the feasibility study, the conclusion of labor contracts, funding sources, implementation schedule, supervision procedures over the project and the procedure and time limits for the investor to submit reports on the progress in fulfilling his liabilities.

At the same time Paragraph 7 of the Regulation 2nd, August, 2005 does not mention a possibility which would allow the state to agree on a provision stating its right to waive immunity from prosecution and preliminary injunctions.

Although Paragraph 3 of the Regulation 2nd, August, 2005 states that an investment agreement in the Republic of Uzbekistan is concluded to ensure that foreign investors who are given additional guarantees and protective measures (reliefs and preferences) fulfill their obligations, Paragraph 7 of the same law requiring that legal responsibilities of the parties be incorporated does not detail the consequences resulting from a failure (or improper fulfillment) to comply with the terms of an agreement by the investor.

In order to conclude an investment agreement a foreign investor is required to file a number of documents to the Ministry of foreign economic relations, investments and trade of the Republic of Uzbekistan. They include:

- draft agreement
- essential economic data based on a technical and economic assessment (feasibility study)
- resolution of the Ministry of Justice providing legal expertise of the draft agreement
- resolution of the Ministry of Finance, the Ministry of Economy and the State Tax Committee providing tax reliefs and preferences in addition to those already established by the law to foreign investors and (or) an entity under formation using foreign investments[8].

The general rule is that besides filing an application and a draft agreement to a competent body a copy of a document verifying the status of an investor, which can be a legal or natural person, should be provided.

Under the laws of the Republic of Uzbekistan it is possible to request additional information from the investor which may be relevant for making the decision on entering into an agreement.

Under paragraph 10 of the Regulation 2nd, August, 2005, an investment agreement signed by a foreign investor and the Ministry of foreign economic relations, investments and trade of the Republic of Uzbekistan shall be approved by the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. ■

Bibliography

- The Regulation on the procedure for concluding and carrying out investment agreements approved by the resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, August, 2, 2005, №180 "About additional measures for stimulation of attraction of direct private foreign investments"
- "On foreign investment", the Law of the Republic of Uzbekistan, 30th, April, 1998

"About guarantees and measures of protection of the rights of foreign investors", the law of the Republic of Uzbekistan 30th, April, 1998 the Law of the Republic of Uzbekistan 24th, December, 1998, "On investment"

- Danelyan A.A., Farhutdinov E.Z. International investment arbitration: Study guide. – M., Saint Petersburg. The Center for Humanitarian Initiatives, 2013 – P. 124.
- Danelyan A.A. "Umbrella clause" in bilateral investment treaties // Agrarian and Land Law. – 2015. – № 10 (130). – P.P. 103–108.
- Danelyan A.A. Legal aspects of the political risks in the implementation of foreign investment activity // Eurasian Law Journal. – 2014. – № 5 (72). – P.P. 52–54.
- Danelyan A.A. International Investment Arbitration: the concept, legal nature, sources of legal regulation // Law and the State: The Theory and Practice. – 2014. – № 4 (112) – P.P. 76–80.
- Danelyan A.A. International legal indemnity in the implementation of foreign investment activity // Agrarian and Land Law. – 2014. – №3 (111). – P.P. 85–90.
- Danelyan A.A. International legal mechanism for the settlement of investment disputes // Agrarian and Land Law. – 2014. – №4 (112). – P.P. 103–108.
- Danelyan A.A. Legal issues forced removal of foreign ownership and foreign investment in modern international law // Law and Politics. – 2014. – № 4. – P.P. 465–476.
- Danelyan A.A. Problems of nationalization and expropriation of foreign property under international law // Lawyer. – 2014. – № 6. – P.P. 42–46.
- Danelyan A.A. Compulsory withdrawal of foreign investment: problems of payment // the Right and economy. – 2014. – № 1 (311). – P.P. 58–63. Danelyan A.A. International Economic Law in the context of globalization: problems // the Right and the State: The Theory and Practice. – 2014. – №1 (109). – P.P. 127–132.
- Danelyan A.A. International arbitration and legal protection of foreign investor // Agrarian and Land Law. – 2013. – № 11 (107). – P.P. 117–121. Danelyan A.A. Farkhutdinov IZ, Magomedov M.Sh. National legal regulation of foreign investments in Russia // the Law. – 2013. – № 1. – P.P. 103–119.
- Danelyan A.A. International legal sources for Settlement of Investment Disputes in Eurasia // Eurasian Law Journal. – 2012. – № 4 (47). – P.P. 21–24.
- Danelyan A.A. Esedov DG The foreign investor and the state in Eurasia // Eurasian Law Journal. – 2012. – № 3 (46). – P.P. 13–16.
- Danelyan A.A. Foreign investment: some aspects of the interaction between international and national law // Eurasian Law Journal. – 2011. – № 8 (39). – P.P. 57–60.
- Ershov Y., Tsvetkov N. We tried our best, you know the rest // Investment in Russia 2000. №2
- UNCTAD. World Investment Report 1998 trends and determinants. New York and Geneva. P. 83
- Khalil M.I. M.I.Treatment of Foreign Investment in Bilateral Investment Treaties // ICSID Review-Foreign Investment Law Journal. 1992. Vol. 7. P. 339.

[8] Paragraph 8 of The Regulation on the procedure for concluding and carrying out investment agreements approved by the resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan, August, 2, 2005, №180 «About additional measures for stimulation of attraction of direct private foreign investments»

TAGS: foreign investments, investment agreements, bilateral agreements, protection of foreign investors' rights

Artyom Mansurov
Diplomatic Academy Graduate Studernt

Annotation:

This article examines the legal nature of bilateral investment treaties. It also assesses the efficiency of such agreements as an instrument in international investment relations. The article also enumerates legal grounds for concluding investment contracts in the Republic Uzbekistan and the Russia Federation. ■

Источник фото: pixabay.com

Технические требования к материалам для журналов

Издательства АНО «международный аналитическо-издательский центр правовой информации»

НАШИМ АВТОРАМ

Издательство АНО «Международный аналитическо-издательский центр правовой информации» и журнал «Международный правовой курьер» приглашают юристов и юристов-международников к сотрудничеству.

Мы всегда заинтересованы в сотрудничестве с новыми авторами и расширении пула экспертов, работающих с нами постоянно. Присылайте Ваши материалы — статьи, комментарии и тематические обзоры практики, экспертные отзывы, рецензии на новинки профессиональной литературы — в электронном виде в формате Word на адрес **yulia.firsova@fmc-media.ru**.

В связи с большим потоком статей срок рассмотрения составляет не менее одной недели. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы.

Вопрос о публикации решается редакцией издания.

Авторов просим сообщать о себе следующие сведения:

- Фамилия, имя, отчество
- Место работы и должность
- Ученая степень, почетные звания
- Контактные данные: номер телефона, e-mail.

Авторы, статьи которых ранее публиковались в одном из журналов издательства, могут сообщать только об изменении указанной информации. Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию или предоставивших устаревшие/неактуальные данные, редакции журналов не принимают к рассмотрению.

Просим внимательно ознакомиться с правилами оформления материалов, направляемых в редакцию. Это поможет сократить срок подготовки статьи к публикации.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМ:

1. Статьи для журнала принимаются в формате Word.
2. Обязательно наличие фотографии автора (-ов) статьи.
3. Количество знаков на полосе, включая пробелы:

	1* полоса	2 полосы	3 полосы	4 полосы	5 полос
Без иллюстраций	4 000	10 000	16 000	22 000	28 000
С иллюстрациями	3 000	8 000	13 000	18 000	23 000

* 1 полоса – С учетом заголовка

4. Фотографии принимаются в форматах tif, jpg (разрешение 300 dpi).
5. Фотографии в формате Word не принимаются!
6. Чертежи, схемы, логотипы – в векторных форматах: eps, cdr.
7. Графики и диаграммы – в векторных форматах или в формате Excel.
8. Схемы и чертежи формата AutoCAD желательно перевести в формат CorelDraw.

Объем материала, по общему правилу, не должен превышать 40 000 знаков с пробелами.

В сносках, по возможности, указываются только источники. При оформлении сносок на материалы, размещенные в Интернете, обязательно указывать полный адрес и дату рецепции.

Согласно требованиям ВАК, каждый материал должен быть дополнен аннотацией (до 400 знаков с пробелами) на русском и английском языке и ключевыми словами (3—5 слов или словосочетаний) на русском и английском языке.

Настоятельно советуем перед тем, как предоставить материал на рассмотрение, ознакомиться с условиями авторского договора (на сайте http://inter-legal.ru).

Принятые к публикации материалы проходят литературное редактирование и корректуру. Редакция оставляет за собой право без согласования с автором исправлять бесспорные ошибки и недостатки текста. Все статьи, поступающие на рассмотрение, проходят проверку на плагиат. Авторы статей, не выдержавших проверку, к сотрудничеству с редакцией более не привлекаются.

Вопросы о публикации можно задать по электронной почте @ yulia.firsova@fmc-media.ru.

Редакция не несет ответственности за содержание предоставленных материалов

РАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМЫ

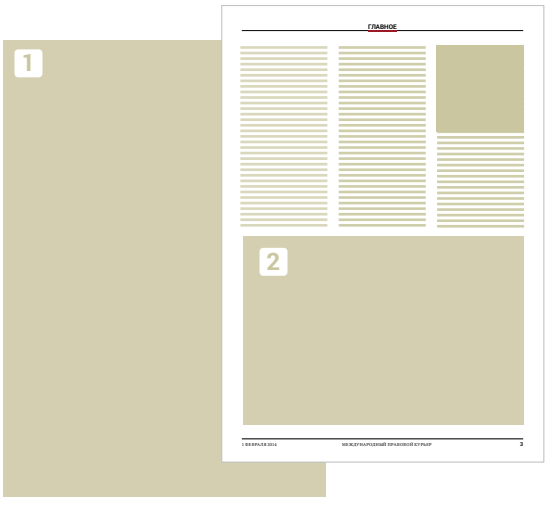
Аудитория: руководители и сотрудники юридических служб, консалтинговых компаний, дипломатические работники, юридические отделы и руководство компаний, ведущих международную деятельность, судьи, адвокаты, нотариусы, научные работники, студенты, аспиранты, а также все те, кто интересуется проблемами международного права.

Распространение: в розницу и по подписке на всей территории РФ, а также на выставках, семинарах, конференциях.

Сотрудничество: мы сотрудничаем с крупнейшими российскими и международными вузами — Дипломатическая академия МИД РФ, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Московская государственная юридическая академия имени О. Н. Кутафина, Российский университет дружбы народов, Итальянский институт философских исследований (г. Неаполь), а также другими российскими и международными научными институтами и организациями. Нашими партнерами также являются Международная ассоциация юристов, Российская государственная библиотека.

РАЗМЕРЫ:

1. **Одна внутренняя полоса** (А4) – 213 х 302 мм + по 5 мм с каждой стороны под обрез.
2. **1/2 полосы** (А5 горизонтальный) – 186 х 128 мм
3. **Обложка** – 213 х 302 мм + по 5 мм с каждой стороны под обрез.



• Рекламные модули принимаются в форматах: eps, ai, cdr, tif (300 dpi, CMYK).

• Все используемые в модуле шрифты должны быть переведены в «кривые».

• Импортированные растровые изображения должны быть приложены отдельно к макету.

ВЕКТОРНАЯ ГРАФИКА:

• **Формат:** Adobe Illustrator до CS3, сохранение файла в формате Illustrator EPS, шрифты в кривых.

• **Содержание:** цветовая модель CMYK, слои сведены, растровая графика должна быть внедрена в файл в модели CMYK и иметь разрешение 300 dpi.

РАСТРОВАЯ ГРАФИКА:

• **Формат:** Adobe Photoshop до CS4, TIFF.

• **Содержание:** цветовая модель CMYK, разрешение 300 dpi, дополнительные обтравочные контуры и alpha-каналы отсутствуют. Все цвета в макете должны быть PROCESS CMYK, OVERPRINT должен быть отключен.

• Если используются цвета в модели Pantone, то их следует перевести в модель CMYK.

• Не следует делать композитным черный цвет текста, использовать только Black 100%.

• Сумма красок в растровых изображениях не должна превышать 300.

Все материалы принимаются в электронном виде.
Адрес электронной почты для пересылки материалов:
yulia.firsova@fmc-media.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ СПОНСОРСТВО

АНО «Международный аналитическо-информационный центр правовой информации» предлагает услуги по информационному спонсорству на взаимовыгодных условиях сотрудничества для организатора какого-либо мероприятия.

Мы оказываем услуги по информационному спонсорству при организации конференций, симпозиумов и других событий, находящих отклик у широкой общественности. При информационном спонсорстве журнал оказывает информационную поддержку мероприятию, позволяет спонсорам представлять на своих страницах анонсы мероприятий и публиковать пресс-релизы, посвященные определенному событию, материалы по итогам мероприятия.

Сотрудничество с издательством на условиях информационного спонсорства предполагает, что организаторы мероприятий предоставляют со своей стороны различные рекламные возможности как во время самого мероприятия, так и до и после него.

Требования к макетам спонсорских объявлений – смотрите требования к рекламным модулям.

ВОПРОСЫ И ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

(499) 390-35-80
yulia.firsova@fmc-media.ru.

Пиратство как составляющая морского терроризма: правовые проблемы обеспечения безопасности морских перевозок | с. 27

Источник фото http://bgarf.ru